

ЯД ОСЕННЕГО
Шафрана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маримар Рейн

Яд осеннего шафрана

<https://litres.ru/74019579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Смертные, что принесли в мир фейри катастрофу, потеряли доверие навсегда. Их статус был низведён, и они стали рабами, вынужденными служить своим прежним соседям. И было издано строжайшее повеление, высеченное на камнях каждого Двора: 'Заводить с людьми детей, способных пошатнуть хрупкое магическое равновесие, строго запрещено. Полукровки – искажение природы, угроза порядку, и им нет места в этом мире'. Это был закон, выстраданный кровью и слезами, закон, что должен был навсегда удержать в узде как людей, так и саму магию, но который, как оказалось, был обречён быть нарушенным вновь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	70
Глава 5	93
Глава 6	118
Глава 7	144
Глава 8	162
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Яд осеннего шафрана

Пролог

Когда-то давно, так давно, что даже древнейшие феэри с трудом вспоминали те времена, посреди бескрайнего континента Терра-Септима, омываемого бирюзовым, ласковым морем, что шептало свои тайны песчаным берегам, возвышалась исполинская Башня. Она пронзала небеса, касаясь самых звёзд, а на её вершине, словно второе, неземное солнце, покоилась Магическая Сфера. Её сияние пронизывало каждый камень, каждую травинку, уходя глубоко в землю, напитывая её неиссякаемой, живительной магией. Это было сердце мира, его душа, его вечное дыхание.

Феэри, истинные дети этих земель, почитали Сферу как высшую святыню. Они жили в гармонии с её силой, а их дома, вырезанные в исполинских Чар-Древах, были живым продолжением её магии. Старейшины, мудрейшие из мудрых, хранили покой Сферы, а их голоса, словно эхо древних лесов, передавали знания из поколения в поколение. Среди волшебного народа не было войн, лишь песни ветра и смех ручьёв. Каждый род обладал своей, уникальной магией, передаваемой через кровь и корни. "Сфера – наше сердце, а мы – её кровь," – так говорили наши прародители, и в этих словах заключалась вся истина их бытия.

Время текло рекой, медленной и величавой, пока однажды, сквозь утренний туман, к песчаным берегам не причалили деревянные корабли. На них прибыли Смертные. Их кожа была грубой, а глаза полны незнакомого огня. Фейри, наивные в своём благородстве, приняли их с невиданным радушием. "Пусть живут с нами, пусть познают наш мир," – решил тогда Верховный Совет Старейшин.

И веками люди и фейри жили бок о бок, обмениваясь знаниями, смехом и даже слезами. Люди учились у фейри, а фейри, в свою очередь, познавали суровые реалии смертного существования. "Наши миры могут слиться," – верили тогда многие, но это было лишь обманчивой надеждой.

Чем дольше смертные созерцали чудеса фейри, тем сильнее в их сердцах разгоралась жгучая зависть. Они видели, как магия течет по жилам бессмертных, как деревья склоняются перед их волей, как цветы распускаются от одного прикосновения. Их же внутренние сосуды оставались пустыми, не поддаваясь влиянию Сферы, не впитывая ни единой искры её могущества. "Почему им всё, а нам ничего?" – шептал каждый смертный в своём бессилии, чувствуя себя ущербным в этом мире чудес. Единственным путём к магии для них оказалось рождение полукровок, чьи вместилища, сломанные от смешения рас, распространяли огромную, неконтролируемую силу по всему телу, делая их одновременно могущественными и опасными.

И однажды, под покровом самой чёрной ночи, жадность

людская окончательно поглотила остатки света в их сердцах. Они вооружились, и их ненависть, острая как клинки, обрушилась на беззащитных. "Захватим то, что по праву должно быть нашим!" – такой клич раздался в предрассветной тьме.

Убив старейшин, чьи голоса ещё вчера пели колыбельные ветрам, люди прорвались к вершине Башни. Там, дрожащими от предвкушения руками, они попытались похитить сияющую реликвию. "Не прикасайтесь!" – возможно, кричал один из последних хранителей, но его голос утонул в людской ярости. И в тот страшный миг, от жадного прикосновения, Сфера, сердце мира, раскололась на шесть сверкающих осколков. Мир содрогнулся.

Трагедия эта повергла континент в неистовый хаос. Осколки, словно падающие звёзды, разлетелись, и каждый нашёл свою колыбель в одном из исполинских Древ. Магия, некогда единая, теперь, напитанная осколками, растеклась по Корням каждого из шести Древ, отделяя их территории друг от друга. Земля стонала: обрушились землетрясения, небеса разверзлись ливнями и штормами, извергались вулканы, создавая новый, суровый климат.

Все Чар-Древа, кроме тех, что приняли осколки, были сметены с лица земли стихийными бедствиями, погребённые под слоями грязи и пепла. Семьи фейри, жившие в оставшихся Исполинах, сохранили и даже приумножили свою изначальную магию, став хранителями новых, могучих источников. Остальные же, рассеянные и ослабленные, были

вынуждены подчиниться. Разделив эти новые земли до корней каждого дерева, могущественные фейри стали править на своих территориях, провозглашая себя Верховными.

Так возникли Шесть Дворов, каждый со своей уникальной магией, каждый – отражение осколка великой Сферы. Двор Чёрных Песков, где пустынные ветры шептали древние тайны; Двор Жизни, где пышные леса пульсировали первозданной силой; Двор Костей, где сама смерть служила источником власти; Двор Метелей, где холодные ветра замораживали время; Двор Молний, где небесные разряды подчинялись воле; и Двор Водопадов, где бурлящие реки хранили мудрость. А на месте, где когда-то величественно возвышалась Башня, там, где Сфера встретила свою гибель, образовались Дикие Земли – Межземелье. Покрытые густыми, непроходимыми джунглями, эти земли стали домом для ужасных монстров, что, движимые искажённой магией, пожирали фейри, чтобы поглотить их силу.

"Да будет проклят тот день, когда жадность людская коснулась святыни," – эхом разносились голоса над руинами.

Смертные, что принесли в мир такую катастрофу, потеряли доверие навсегда. Их статус был низведён, и они стали рабами, вынужденными служить своим прежним соседям. И было издано строжайшее повеление, высеченное на камнях каждого Двора: "Заводить с людьми детей, способных пошатнуть хрупкое магическое равновесие, строго запрещено. Полукровки – искажение природы, угроза порядку, и им нет

места в этом мире". Это был закон, выстраданный кровью и слезами, закон, что должен был навсегда удержать в узде как людей, так и саму магию, но который, как оказалось, был обречён быть нарушенным вновь.

Глава 1

Закатное солнце блеснуло на куполе часовой башни, отражаясь прямо мне в глаза и заставляя жмуриться. Я прикрыла веки, позволяя теплу коснуться кожи, и откинулась на холодную раму подоконника, чувствуя, как острые края камня неприятно царапают мои рога. Мои ноги, до этого свободно болтавшиеся над пропастью, замерли, погружая меня в странное оцепенение, словно замирало само время, и лишь тяжёлый, почти болезненный выдох сорвался с губ, оставляя в воздухе едва заметное облачко. Пальцы крепче сжали кулон из иниалита, холодный камень которого казался единственным якорем в этот вечер, не позволяя мне окончательно раствориться в горечи. Сегодняшний день стал первым, когда я искренне не желала возвращаться в крыло, где находились наши семейные покои. Там, в тишине зачарованных стен, мне предстояло встретиться с неумолимой реальностью, которая обрушилась на нас всех. Я не хотела видеть сочувственные взгляды слуг, слышать шепот придворных или чувствовать запах погребальных трав, который, казалось, уже витал в воздухе, проникая сквозь толстые стены замка-древа.

Я резко распахнула глаза, изгоняя наваждение, и вновь окинула взглядом долину, что расстилалась далеко внизу,

под замком, словно зелёное, волнующееся море, усыпанное маленькими жемчужинами света. Город в спешке закрывал свои лавочки, готовясь к ночи, и лишь редкие огоньки мерцали в начинающейся тьме, точно светлячки, заблудившиеся в сумерках. С высоты всё казалось маленьким, незначительным, словно это не мир, а всего лишь декорации для чьей-то пьесы, которую разыгрывала Великая сфера. Моё место было здесь, на границе между светом и тьмой, между реальностью и нестерпимым желанием сбежать от этой тяжёлой, давящей скорби.

– Эй?

В проёме двери осторожно показалась зелёная макушка Эрин, моей подруги. Она юркнула в помещение, бесшумно затворяя за собой дверь, словно боялась нарушить эту хрупкую тишину, что окутала меня, как кокон. Тихой поступью Эрина приблизилась и осторожно уместилась рядом на подоконнике, но, в отличие от меня, не осмелилась перекинуть ноги к пропасти, демонстрируя свою природную осторожность. Её грация и благородство всегда были противоположностью моей безрассудной смелости, порой граничащей с дерзостью. Она была будущей правительницей Двора Жизни, и ей не пристало ввязываться в сомнительные авантюры, даже в такой день, когда все правила казались бессмысленными, а мир переворачивался с ног на голову. Её взгляд был прикован к закату, но я видела в нём отблески внутренней боли, такой же глубокой, как бездна под нами.

Её голос был тихим, почти неуверенным, словно она выбирала слова, опасаясь причинить ещё большую боль самой себе, чтобы не разбередить и без того кровоточащую рану. Тяжёлый день оставил свой след на её обычно весёлом лице.

– Лима, нам нужно идти...

Моя рука сама нашла её ладонь, крепко сжимая пальцы, пытаюсь передать безмолвную поддержку, которую я не могла выразить словами. Я продолжала смотреть, как солнечный диск медленно прячется за цветущими холмами, окрашивая небо в оттенки пурпура и золота, но мысли были далеко от этой красоты. Как я могла помочь ей? Как найти слова, которые облегчат это невыносимое горе, что сдавило её грудь железными тисками?

– Как ты? – прошептала я, чувствуя, как горечь поднимается к горлу, смешиваясь с запахом цветущих трав. – Потерять маму – это ужасно... Это... невыносимо.

Эрина лишь слегка пожалала мою руку, её пальцы были холодными, словно у самой смерти. Её глаза, полные печали, встретились с моими, и в них не было ни одного упрёка, только глубокая, всепоглощающая усталость, которую не скрыть даже королевской выдержкой. Её губы дрогнули, но она сумела сохранить свойственную ей твёрдость.

– Я справлюсь.

Её слова прозвучали как эхо, лишённое эмоций, но я знала, что за ними скрывается невероятная сила воли, которую она демонстрировала с самого детства. Сегодня ночью коро-

лева, её мать, умерла при схватках, подарив жизнь ещё одному принцу. Похороны должны были начаться буквально через двадцать минут, судя по тому, как быстро темнело небо, окрашиваясь в последние оттенки алой зари. А значит, действительно, пора было идти, иначе мы опоздаем.

Я перекинула ступни через подоконник, вставая на пол. Камень под ногами казался холодным и равнодушным к нашим страданиям. Эрина последовала моему примеру, но вышла всё же первой, словно не хотела задерживать меня или просто искала хоть какой-то путь к уединению, к возможности справиться со своим горем наедине. Перед тем, как покинуть башню, я ещё раз бросила взгляд на долину, и она ответила мне отблеском последнего, умирающего луча солнца, который поймала серьга на моём заострённом ухе, тонком и изящном, как лепесток. Этот луч, словно прощальный поцелуй, погас, унося с собой остатки светлого дня и, казалось, часть моего собственного спокойствия, которое теперь сменилось тревогой.

Переживать вместе с подругой смерть её матери было чуть проще, чем находиться одной, ведь мои собственные воспоминания о моей маме были туманными, почти отсутствующими. Отец говорил, что она - фэйри, живёт на краю Двора Жизни, и что по каким-то причинам она меня не любит, не хочет видеть, а потому и не пускает к ней. Он нашёл меня совсем маленькой, забрав во дворец из той неизвестной жизни, которую я вела. Кажется, там было больше солнечного

света, чем в этих каменных стенах, и воздух пах иначе, свежим горячим хлебом. Но это лишь обрывки ощущений, не поддающиеся логике, которые я списывала на особенности детской памяти. Ведь я почти ничего не помнила.

Я унаследовала от него абсолютно всё: рога, подобные двум чёрным коралам, изящно изгибающиеся над висками; белые, как первый снег, волосы, длинные и выющиеся; кошачьи глаза, фиолетовые, способные видеть в полумраке, и, конечно, характер - упрямый, но хитрый. Он был фейри, Верховным советником Двора Жизни, и его кровь текла во мне, определяя мою судьбу.

Он строго-настрого запретил кому-либо рассказывать о моей ранней жизни, о той 'злой матери', которая меня бросила. Это была наша семейная тайна, оберегающая моё сердце от лишних ран и посторонних пересудов. Каждый день во дворце, хоть и был полон фэйской роскоши, иногда оставлял во мне странное ощущение, словно я чего-то не понимаю, что-то чувствую не так, как остальные, более глубоко, но я всегда списывала это на мои детские годы, проведённые вдали от фэйских обычаев, прежде чем отец забрал меня.

Мы спустились в самый низ замка-древа, где извивающиеся корни создавали огромную залу, естественную и величественную, словно часть самой природы, воплощённая в камне. Потолок, словно живой свод, был украшен тремя магическими сферами, что горели там, словно маленькие солнца, медленно кружась по кругу и наполняя пространство мяг-

ким, пульсирующим светом, который играл на гранях колонн. Их сияние отражалось в отполированных поверхностях, создавая игру теней, которая, казалось, танцевала под печальную мелодию, что доносилась откуда-то издалека. На алтаре, стоящем строго посередине зала, уже лежало безжизненное тело Королевы - Илиазы Эймин Таурелин, обрамлённое огромной кучей цветов, которые источали приторно-сладкий аромат, пытаясь заглушить запах смерти.

Запах мёда и земли, столь привычный для Двора Жизни, теперь смешивался с едким запахом скорби, от которого першило в горле. Дворяне, стоящие плотным кругом по всему залу, промакивали глаза шёлковыми платками, оплакивая Её Величество. Кто-то делал это искренне, с глубокой печалью, а кто-то – вынужденно, лишь для соблюдения приличий, для поддержания своего статуса. Надо признать, что многие из них были хорошими актёрами, их лица выражали поддельную скорбь с таким мастерством, что обычный фейри, не искущённый в интригах, вполне мог бы им поверить. Но мне было не впервой видеть их ложь, ведь отец научил меня читать между строк, различать полутона фальши, которая была второй натурой для фейри. Мои кошачьи глаза, привыкшие видеть больше, чем другие, без труда отличали искренность от притворства. И сегодня зал был полон лжи, как и всегда.

Сцена была странным противоречием природного величия и тщательно исполненной театральной скорби. Я сделала

шаг в сторону, подальше от самых видных дворян, чьи глаза то и дело скользили по мне, оценивая степень моего траура. Мой отец, Верховный Советник, уже стоял чуть позади королевской семьи, его обычно невозмутимое лицо было омрачено глубокой, искренней печалью, которую невозможно было сфальсифицировать. Юстейл Лотторен всегда был человеком чести, и смерть Королевы Илиазы, с которой он работал веками, явно затронула его. Его фигура, высокая и статная, немного сгорбилась под весом этого горя.

Все взгляды были прикованы к алтарю.

Жрецы, чьи мантии были расшиты золотыми нитями, символизирующими бесконечную Жизнь, медленно вышли к изголовью алтаря. Их движения были размеренными, словно они двигались не в пространстве, а сквозь поток времени.

По правую руку от них, заняв свои законные места, встала правящая семья Двора Жизни. Король Исирей Эдмин Таурелин, чей облик обычно излучал неприступную силу, сейчас выглядел сломленным. Слёзы стояли на его лице, отражая ту же печаль, что и в глазах дочери. Принц Аден Искилиан Таурелин, старший сын короны и объект моей всепоглощающей неприязни, стоял рядом с отцом, но даже его хищные черты были смягчены — или он просто умело играл роль скорбящего наследника, чему я бы не удивилась.

Рядом была Эрина.

Моя подруга, наследница престола — Эрина Афиана Таурелин, прижимала к груди крошечный кокон, завернутый в

тончайшее кружево. Там спал новорожденный принц Амиан Эларион Таурелин. Она была измождена, но держалась невероятно стойко.

Невозможно было не заметить глубину горя, с которым Король смотрел на свою умершую жену. Этот взгляд, полный невыносимой нежности и утраты, был истинным, и никакая королевская выдержка не могла скрыть его. Фейри любят глубоко, но редко показывают это миру; Исирей не пытался спрятать свою боль. Это было первое, что я видела в нём, что вызывало не презрение, а смутное уважение. Любовь их была легендарной, и видеть, как эта легенда разбивается о смерть, было больно даже мне, стороннему наблюдателю, стоящему в тени.

Шаманы сделали глубокий вдох, их грудь расширилась, и они завели свою песнь.

Песнь призыва.

Голоса их были низкими, горловыми, наполненными первозданной силой самой жизни, словно они говорили на языке земли, на котором шепчут корни и вздыхает кора. Это был не просто траурный плач, а могущественный призыв к великому Древу принять в свои объятия тело Её Величества, чтобы её душа и магия вплелись в силу Корня, укрепляя наш Дом. После того, как четыре века назад был подписан мирный договор, тела фейри больше не предавали земле в обычном смысле — земля, как и великое Древо, стала принимать их души и силы в себя, становясь частью магического един-

ства.

Это было последствием священной клятвы.

Я всегда верила, что это чудесное слияние стало возможным благодаря объединению Дворов, благодаря тому миру и дружбе, что скрепили наши народы. Смерть в Дворе Жизни была лишь переходом в бесконечную, питающую энергию нашего Чар-Древа, позволяя каждому умершему, казалось, остаться рядом, стать частью этой великой, пульсирующей силы, которую мы все ощущали. Это было торжество единства, которое нам подарило мирное соглашение, а не раздор.

Пение стало громче, проникая в самые кости.

Магические сферы, что висели под сводом залы, начали вибрировать, их пульсирующий свет усилился, и сам потолок, казалось, ожил. Стены покрылись тончайшей сеткой цветов и золотистого свечения, пульсируя в ритме шаманского пения. Эти живые вибрации спускались вниз, и я чувствовала, как воздух вокруг меня наполняется плотной, осязаемой магией, сладкой и дурманящей, словно нектар самой жизни.

Наконец, сверху стали спускаться тонкие, светящиеся стебли.

Первые ростки, нежные, как лунный свет, коснулись белоснежной кожи Королевы Илиазы. Они были медлительны, осторожны, словно боялись потревожить её покой, но их прикосновение было пропитано чистой, концентрированной магией Древа. Ростки нежно обвивали хрупкие кисти и щи-

колотки, продолжая окольцовывать её тело до локтей и колен, а затем поднимались выше, к плечам и бёдрам, готовясь к полному слиянию с Древом.

Это было зрелище ужасающей красоты.

Растения, сплетаясь в единый, живой жгут, осторожно приподняли безжизненное тело в воздух. Они начали быстро обвивать её в плотный кокон, оставляя лишь лицо. Я видела тень мягкой, почти счастливой улыбки, застывшую на её губах, словно она предвкушала встречу с вечностью, с великой силой, которая ждала её в Корне.

Пение достигло апогея.

Шаманы, казалось, исторгали из себя последние силы, их голоса взвились на пару регистров выше, становясь пронзительными и чистыми, подобными удару хрустального колокола. Мурашки охватили мой загривок, и я почувствовала, как по щекам стекают две горячие дорожки. Это была не скорбь, а реакция на концентрированный всплеск энергии, которая пронизывала воздух, заставляя мой собственный сосуд резонировать.

Кожа Её Величества начала мерцать, и кокон, окружавший её, засветился изнутри.

Этот свет становился всё ярче и ярче, пока не превратился в ослепительное, пульсирующее золотое сияние. Оно было настолько интенсивным, что ослепляло. Я инстинктивно прикрыла глаза ладонью, как и все остальные, но продолжала стоять ровно, ощущая, как магия прожигает мою кожу даже

сквозь тонкую ткань перчатки, наполняя пространство силой.

Золото поглотило всё.

В этот миг, когда магия пронзала тела всех присутствующих, вызывая произвольные, очищающие слёзы, я ощущала себя маленькой, но неотъемлемой частью чего-то огромного. Мои фиолетовые глаза, пусть и прикрытые, видели нечто большее, чем просто свет. Это была сама жизнь, уходящая, чтобы стать источником новой жизни, подтверждая мою веру в свет и чистоту нашего мира.

Наконец, свет погас так же резко, как и вспыхнул.

Все стояли, прикрыв ладонями половину лица, из-под которых текли блестящие от магической энергии слёзы. Неважно, насколько сильно ты скорбел или притворялся, эта реакция была неизбежна. Я позволила себе вдохнуть полной грудью, чувствуя, как очищается каждая клеточка моего тела от дневной тяжести.

Когда жрецы закончили своё пение, и шуршание растений, отпускающих теперь уже пустой кокон, стихло, нам было позволено открыть глаза. Зал вернулся к прежнему, гнетущему полумраку.

Король стоял, опустив голову. Принц Аден вытер глаза тыльной стороной ладони, а Эрина, пусть и не вытерла слёзы, казалась на голову выше брата. Она уже была Королевой, даже не взойдя на трон. Я искала взглядом отца, желая поделиться с ним этим чувством ошеломляющего могущества,

которое сейчас пульсировало в зале, и увидела его чуть поодаль, возле одной из огромных корневых колонн, словно он сам искал опору.

Медленно, стараясь не привлекать лишнего внимания дворян, которые уже начали обмениваться тихими соболезнованиями, я направилась к нему.

Он ждал меня.

Подойдя ближе, я увидела, что его белые волосы, обычно аккуратно зачесанные назад, слегка растрепались. В его кошачьих фиолетовых глазах, таких же, как мои, отражалась усталость. Мы с ним были похожи не только внешне; мы оба были наблюдателями, часто стоящими в стороне, даже когда находились в центре событий. Он был моим единственным домом, единственной нерушимой опорой в этом лживом мире дворцовых интриг, и его одобрение значило для меня больше, чем мнение всего Совета.

– Папа? – прошептала я, стараясь говорить достаточно тихо, чтобы нас не услышали. – Это было... невероятно.

Он кивнул, его взгляд скользнул по золотистой пыли, оставшейся на месте алтаря. Его рука поднялась и ласково коснулась моего рога, проводя по гладкой, черной поверхности. В этом жесте было столько нежности и одновременно скрытого беспокойства, что я почувствовала, как у меня перехватывает дыхание. Он знал о всех перипетиях двора, знал о лжи и грязи, которую я еще не осознавала до конца, но всегда старался уберечь меня от нее, оберегая мои свет-

лые взгляды на наш мир, на нашу гармонию.

– Так и должно быть, малышка, – его голос был хриплым, словно он долго молчал. – Магия Жизни всегда поражает своей силой.

Я прислонилась к его крепкому плечу, вдыхая знакомый, успокаивающий запах пергамента и старого дерева, который всегда исходил от его придворной мантии. В этот момент, стоя рядом с ним, я чувствовала себя защищенной. Ужас перед смертью Королевы отступил, уступив место уверенности в том, что наша магия, наш Двор, наша система — всё это было чистым и правильным. Ведь если сам Двор Жизни мог так гармонично принимать смерть и перерабатывать её в силу, значит, мир действительно пришел к истинному равновесию после катастрофы.

– Я всё ещё помню старые истории, – сказала я, поднимая на него глаза. – Как тела хоронили в земле, отдельно от силы Древа.

– То были времена до мирного соглашения, Лима, – ответил он, его голос стал чуть более твердым, с нотками официальности. – Тогда наши Дворы не доверяли друг другу, и каждый держался за свою силу. Эта традиция возникла после. Она показывает, что мы — единый Корневой Дом, соединенный священными узами.

Он осторожно убрал прядь моих белых волос за ухо, его пальцы задержались на сереге.

Я верила ему, но послевкусие слов о дружбе всегда остава-

лось странным. Некоторые его наставления, которые он дал только наедине, заставляли что-то внутри ядовито сомневаться в чистоте, которая меня окружала, и я старалась гнать эти мысли прочь.

– Это так красиво, – прошептала я, искренне восхищаясь увиденным. – Чувствовать, как магия Королевы вплетается в сам корень Древа. Это делает нас всех сильнее, не так ли? Это доказательство нашей великой дружбы и силы. Я рада, что мы живем в эти мирные времена, когда Дворы объединены священной клятвой и не воюют между собой.

На лице отца мелькнула тень, быстро сменившаяся привычной маской спокойствия, но я успела заметить её, словно лёгкое облачко, на мгновение закрывшее солнце.

Тревожный миг.

– Мир — это хрупкая вещь, Лима, – тихо произнес он, опуская руку на мою макушку. – Он требует постоянных жертв и бдительности. Не верь в то, что всё всегда светло и чисто, даже здесь, в Дворе Жизни. Всегда помни, что за красотой может скрываться цена, которую ты не видишь и не хочешь видеть.

Его слова, полные мудрости и какой-то горькой правды, насторожили меня. Он всегда говорил загадками, когда речь заходила о политике, словно пытаюсь защитить меня от неприглядной стороны их власти.

– Ты говоришь так, будто знаешь что-то, что мне неизвестно, – сказала я, пытаюсь уловить его истинные эмоции,

но он был мастером сокрытия чувств. Я чувствовала, что за этими стенами лжи и фальши, которыми был окружен двор, скрывается нечто более зловещее, но пока не могла понять, что именно кроется под поверхностью.

Он лишь слабо улыбнулся, его глаза потеплели, но в них по-прежнему таилась глубокая печаль.

– Просто будь осторожна.

– Папа, – я нахмурилась, глядя на него с беспокойством. – С тобой всё в порядке? Ты выглядишь слишком усталым, даже для такого дня. Может, ты хочешь отдохнуть? Мы можем поговорить позже, когда Король нас отпустит?

Он покачал головой, его взгляд метнулся к Королю, который в этот момент принимал соболезнования от лорда Серла, главнокомандующего стражи.

– Мне нельзя сейчас уходить, – ответил он. – Я должен быть рядом. Король нуждается в поддержке советника. А ты иди, Лима. Возвращайся в покои и отдохни. Это был тяжелый день для всех, а завтрашний будет не легче.

Его тон был окончательным, не допускающим возражений. Я поняла, что сейчас он действительно должен оставаться здесь, поддерживая королевскую семью в этот момент.

Я неохотно кивнула, но прежде чем уйти, снова обняла его, прижимаясь к его мантии.

– Хорошо. Тогда увидимся утром. Береги себя. А я пойду к себе. Не задерживайся допоздна.

Он тепло ответил на мои объятия, и я почувствовала, как

его рука нежно гладит мои волосы, этот жест был последним якорем в нашем мире, который, как я вскоре узнаю, уже начал рушиться, оставив меня одну в этом хаосе.

Я отпустила его и, бросив прощальный взгляд на Короля, который всё еще стоял с каменным лицом, повернулась и направилась к выходу из корневой залы.

Проходя мимо Эрины, я остановилась на мгновение. Она подняла на меня глаза, полные всепоглощающего горя и усталости. Я не стала говорить ничего о тяжести дня, о магии или о лжи двора. Вместо этого я лишь кивнула на маленького Амиана.

– Он красивый. Будь сильной, Эрина.

Она слабо улыбнулась в ответ, в её глазах всё ещё стояли слёзы. Я ушла, оставив за собой гул скорбящих дворян и запах земли и мёда, убежденная, что завтрашний день принесет утешение и покой. Если бы я знала, что следующий день станет отправной точкой моего кошмара...

Глава 2

Завтрак на следующий день был не трапезой, а испытанием на выдержку, проверкой на способность демонстрировать идеальную, почти стерильную скорбь. Траурный этикет Двора Жизни требовал именно этого. Мы сидели в Малом Тронном Зале, где обычно завтракала только королевская семья и самые приближенные советники, но сегодня здесь собралось немало дворян. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом остывшего мятного чая и невысказанных, душимых протоколом слов. Король Исирей сидел во главе стола, ссутулившись. Его лицо было бледным, как вчерашний мраморный алтарь, и он не удостоил никого даже кивком или приветствием. Это была высшая форма горя – демонстративное игнорирование всего мирского. Все понимали: начать разговор или обменяться слишком громкими репликами, пока Его Величество не заговорит первым, будет приравнено к публичному неуважению.

Я сидела рядом с Эриной, прямо напротив Адена, и старалась сосредоточиться на своей тарелке, разглядывая сложный узор из жилок на полированной коре нашего стола. Эрина выглядела ужасно, хотя держалась невероятно стойко. Её глаза были заплаканными и припухшими; она явно провела большую часть ночи без сна, укачивая маленького Амиана.

Она была Королевой, даже если титул официально ещё не перешел к ней, и следующие две недели ей было позволено скорбеть, не боясь осуждения за слабость или малодушие. Она была искренней в своей печали, чего нельзя было сказать о большинстве присутствующих здесь дворян, чьи соболезнования звучали скорее как репетиция перед публичным выступлением.

Мы ели молча.

Наконец, спустя двадцать минут, когда только звон столового серебра нарушал гнетущую тишину, Король Исирей медленно поднялся. Это был негласный сигнал. Все приближённые и члены семей, включая меня и Эрину, немедленно встали со своих мест, чтобы проводить его. Его сторбившаяся, сломленная горем спина исчезла за резными дубовыми дверями, и только когда звук его шагов, сопровождаемых двумя гвардейцами, полностью стих, за столом воцарило облегчённое жужжание, словно из проснувшегося улья.

Как по команде, напряжение спало.

Дворяне тут же принялись обмениваться тихими светскими сплетнями, используя возможность, пока на них не смотрят. Это было омерзительно. Мы сели. Не успела я даже коснуться вилок своей тарелки, как Аден, сидящий напротив, тут же обратил на меня своё полное внимание. Его взгляд, обычно острый и оценивающий, сейчас был притворно мягким, облачённым в траурную вежливость.

При Короле он, конечно, вёл себя образцово, но стоило

отцу исчезнуть, его истинная, собственническая натура тут же вылезала наружу, как улитка из раковины, но только более хищная и скользкая.

– Как тебе спалось, Лима? – спросил он, и в его голосе, даже несмотря на траур, скользнула та самая собственническая нотка, которую я так ненавидела. При отце он не называл меня своим дурацким прозвищем – "Моя драгоценная мышка" – но его глаза говорили больше, чем любое слово.

Я подняла взгляд, стараясь, чтобы моё лицо оставалось нейтральным.

– Благодарю, Ваше Высочество, прекрасно. А вам? – стараясь следовать всем нормам этикета, я поинтересовалась в ответ, хотя единственное моё желание заключалось в том, чтобы он подавился куском хлеба.

Он широко, самоуверенно улыбнулся, показывая идеальные, белые зубы феяри, которые, казалось, были созданы для того, чтобы ухмыляться.

– Благодарю, прекрасно. Мне снились вы.

Его слова повисли в воздухе, густые, как патока. Я почувствовала, как моё лицо начинает наливаться румянцем – не от смущения, а от ярости.

– Правда? – я постаралась выдавить из себя вежливую, но совершенно фальшивую улыбку, скребя вилкой по краю фарфоровой тарелки, чтобы хоть как-то занять руки. – Надеюсь, сон был приятный.

Надеюсь, тебе приснился кошмар, и я была в главной ро-

ли, самовлюблённый ты засранец.

– Аден, – голос Эрины был тихим, но в нём звенела сталь, не допускающая пререканий. Пусть она и была его младшей сестрой, однако, благодаря плакун-траве по кожей - Дару Древа, имела на трон больше права, чем он, поэтому и считалась наследницей престола. Она отложила свою вилку и внимательно посмотрела на брата, её усталые глаза не скрывали ни капли траура, ни грамма терпения. – Сегодня второй день траура. Не приставай к Леди Лотторен с неуместными комплиментами и личными расспросами. Помни о приличиях. Мы все скорбим.

Принц Аден раздражённо дёрнул плечом, но внешне сохранил невозмутимость. Эрина всегда была моим верным щитом от его назойливости, и я ценила это больше, чем нашу многолетнюю дружбу. Она была единственным человеком во всём Дворе, кто мог одёрнуть второго наследника, не боясь его гнева, и он знал, что её слово, как будущей Королевы, имеет вес даже для Короля.

– Сестра, какая вы строгая, – Аден изобразил притворное страдание, приложив руку к сердцу, что в его исполнении выглядело как дурной фарс. – Я всего лишь выражаю своё восхищение Лиме и желаю ей хорошего дня. Разве это грех? Все знают о моей глубокой симпатии к ней. Мой сон был о нашем будущем, Эрина. О том, как Лима наконец займёт своё законное место рядом со мной, – он недвусмысленно наклонил голову в мою сторону, и по моей коже побежали

мерзкие, липкие мурашки от его наглого, собственнического тона.

Эрина, видя моё состояние – мои стиснутые зубы и натянутую улыбку – сжала мою руку под столом. Это был безмолвный, но красноречивый жест поддержки, говорящий. "Держись".

– Аден, сейчас не время. Вчера мы похоронили нашу мать, – Эрина говорила медленно, чеканя каждое слово, и от её тона даже у меня пошли мурашки. – И как будущая глава этого Двора, я прошу тебя, прекрати. Леди Лотгорен – дочь нашего Верховного Советника, а не твоя собственность, чтобы ты мог мечтать о ней вслух за траурной трапезой.

Она повысила голос достаточно, чтобы привлечь внимание нескольких лордов за соседними столами.

– Если ты не научишься уважать её границы, я буду вынуждена поговорить с отцом, несмотря на его траур. Он всё ещё может отменить твоё поспешное ухаживание.

В глазах Адена вспыхнул опасный, хищный огонёк, который всегда таился под тонкой коркой его придворного воспитания. Он ненавидел, когда Эрина использовала своё положение, чтобы защищать меня, но он не мог ей прямо возразить.

Он лишь криво усмехнулся, принимая своё поражение в этом раунде, но в его взгляде читалось неприятие и гнев.

– Конечно, сестра. Ты, как всегда, права, – его тон стал ледяным, – Я лишь беспокоюсь о ней. Верховный Советник

Лотторен выглядит сегодня... крайне измождённым. А Лима – такое хрупкое создание, ей нужна сильная рука, чтобы вести её через эту скорбь.

Я едва сдержалась, чтобы не воскликнуть в ответ: я вовсе не была хрупкой, и отец был измождён не только горем, но и той политической борьбой, о которой я ещё ничего не знала. Я была уверена в его силе и его влиянии.

– Отец всегда был сильным, – резко ответила я, не в силах больше молчать под его снисходительным взглядом, – И я не нуждаюсь в вашем утешении, Ваше Высочество. Я в порядке.

Аден не ответил, лишь откинулся на спинку стула и изучающе посмотрел на меня, словно пытаясь прочесть, что именно я скрываю за маской вежливости. Его безмолвное, долгое внимание было тяжелее любых слов, и оно буквально сжигало меня изнутри.

Мне нужно было срочно уходить, и немедленно. Присутствие Адена становилось невыносимым, а воспоминание о вчерашней тревоге отца, его загадочных и горьких словах о "хрупком мире", вновь наполнило мою душу беспокойством, которое требовало действий. Кроме того, мне действительно нужно было в город. Я придумала предлог – купить новые магические принадлежности для сегодняшнего урока с Эриной, хотя, по правде говоря, все мои магические инструменты были в избытке. Это было идеальное прикрытие, которое позволяло мне покинуть замок без лишних вопросов и избежать дальнейшего общения с принцем.

Я положила льняную салфетку рядом с тарелкой, привлекая внимание Эрины.

– Ваше Высочество, – я обратилась к ней официально, чтобы прервать дуэль взглядов между мной и Аденом, – Позвольте мне откланяться. Я хотела бы спуститься в город и купить свежие травы и свитки для нашего занятия по контролю природной магии. Мои запасы, кажется, иссякли.

Эрина кивнула, оценив мою сообразительность и желание избежать дальнейшего разговора с братом. Она понимала, что я ищу способ сбежать от удушающей атмосферы.

– Иди, Лима. Но возвращайся к полудню. Сегодня мы должны начать занятие раньше, так как после зенита солнца придут послы из других дворов.

– Будет исполнено, – я поднялась и сделала почтительный реверанс Эрине и короткий, сухой кивок Адену, который уже полностью переключился на светскую беседу с ближайшим лордом.

Он, казалось, даже не заметил моего ухода; но я чувствовала его взгляд на своей спине до самого выхода из зала, словно он препарировал меня на расстоянии. Я быстро прошла через коридоры, чувствуя раздражение испорченным завтраком.

Уже в своих покоях я накинула тёмный дорожный плащ с капюшоном, скрывающий мои рога, – небольшая предосторожность, которую я всегда соблюдала при выходе в людные места города. Это позволяло мне чувствовать себя менее за-

метной среди толпы фейри и слуг.

Прежде чем выйти, я заглянула в зеркало. Фиолетовые, кошачьи глаза казались слишком яркими на фоне белых волос, а мои пальцы нервно сжимали край плаща. Никому не доверяй, Лима, – слова отца эхом отдавались в голове, и я чувствовала, как это сомнение медленно проникает в мою прежнюю уверенность. Я проверила, насколько надёжно заперта дверь моей комнаты, не желая, чтобы кто-то пробрался в моё отсутствие. Мне не терпелось увидеть отца и понять причину его волнения. И успокоить своё, всё таки его не было на завтраке Но сначала – город, травы, свитки.

Выйдя через главные ворота, которые представляли собой исполинские, резные створки, словно созданные из окаменевшего дерева, я постаралась придать своему лицу выражение лёгкой, но занятой задумчивости, соответствующее моему статусу. Двое фейри-гвардейцев, чьи доспехи блестели чистой медью, охранявшие проход, тут же вытянулись. Я сухо кивнула, приветствуя их, и быстро спустилась по широкому, спиральному пандусу, который вёл к подножию Древа, где раскинулся Каменный город – мир людей и низкородных фейри, совсем не похожий на золотую клетку верхних ярусов.

Город встретил меня какофонией запахов: сырая земля, жареное мясо, корица и, главное, густой, тяжёлый аромат магии, смешанный с запахами немых тел и свежего навоза.

Обходя лавки с яркими, но часто сомнительными явства-

ми и наслаждаясь криками торговцев, чьи сладкие голоса, словно призывы сирен, зазывали покупателей к прилавкам с дешёвыми талисманами и зачарованными безделушками, я спешила в переулок с магическими магазинчиками, подальше от центрального базара, чтобы не привлекать лишнего внимания. Мне действительно были необходимы травы для концентрации, так как это оставалось моей самой большой проблемой в занятиях с Мастером Валеном.

Моя магия, мощная и дикая, отказывалась подчиняться приказам, и я чувствовала себя белой вороной рядом с безупречной Эриной. Я надеялась, что регулярное употребление успокаивающих сборов, рекомендованных моим наставником хотя бы немного укротит эту внутреннюю бурю.

Наконец, я свернула в узкий, тенистый переулок, который пах сушёными травами и землёй, и достигла неприметной лавки, над дверью которой висел выцветший знак с изображением гриба.

Я распахнула дверь, и колокольчик над головой, сделанный из высушенной тыквы, издал высокий, звонкий звук, который оповестил весь магазин о моём приходе. Внутри было темно и уютно, воздух был пропитан запахом лаванды и чего-то горького, лечебного. Старый фейри, владелец лавки, господин Нокс, тут же выглянул из своей крошечной коморки в глубине помещения, где он, вероятно, раскладывал новые поступления.

Это был низкорослый, пожилой эльф с добрыми морщи-

нистыми глазами и седой, тонкой бородой, которую он всегда нервно поглаживал. Он знал меня много лет, и всегда был вежлив, но не подхалимствовал, что я ценила.

– Леди Лотторен, – пережёвывая старческими губы, пожилой эльф приветственно кивнул, поглаживая свои костлявые кисти. – Отраднo видеть вас в такой чудесный день, даже если за окном траур. Чем я могу помочь?

Я постаралась выглядеть как можно более любезной, соблюдая этикет, который требовал уважения к низшим сословиям, но без излишнего панибратства. Это был сложный баланс.

– Здравствуйте, господин Нокс, – я улыбнулась, стараясь сделать свою улыбку искренней. – Мне нужны, как всегда, травы для медитаций и концентрации. Вы не могли бы посмотреть свои лучшие запасы?

Торговцы, как правило, не имели высоких титулов, и обращение "Лорд" или "Леди" к ним считалось дурным тоном, но господин Нокс был особенным. Он всегда относился ко мне с какой-то отеческой теплотой, и даже то, что я была дочерью Верховного Советника, не меняло его простого отношения. В нём чувствовалась та древняя, почти забытая гармония, о которой пели в Башне до катастрофы.

– Ох, ну, какой я для Вас господин, Ваша Светлость, – дедулька смущённо улыбнулся, и его глаза при этом хитро сощурились. Он повернулся к большому, резному комоду с сотней маленьких ящичков, каждый из которых был подпи-

сан древними рунами.

Его тонкие пальцы быстро перебирали ящички, извлекая необходимые ингредиенты – сушёный корень шафрана, лепестки лунной розы и семена горной мяты. Воздух наполнился более сильными, терпкими ароматами.

– Никак не даётся эта концентрация? – спросил он, не оборачиваясь, но в его голосе слышалось сочувствие.

Я грустно покачала головой, опираясь рукой о деревянный прилавок. С Ноксом можно было быть немного откровеннее, чем с придворным магом. Я иногда делилась с ним своими проблемами в учёбе, а он, в свою очередь, давал дельные советы, иногда в подарок клал какие-нибудь новые, редкие травы, что доставались ему случайно от сборщиков из дальних уголков континента, которые он привозил с собой после своих ежегодных торговых рейсов.

– Верно, – тихо ответила я, обходя стороной детали. – Всё время на что-то отвлекаюсь.

Господин Нокс, наконец, обернулся, держа в руках аккуратно завёрнутые порции трав, которые он начал смешивать в большой деревянной ступке. Его движения были медленными, но уверенными, каждое – выверенным ритуалом.

– Ах, милая, в твоём возрасте это нормально, – пробормотал он, слегка посмеиваясь. – Тем более, что тебя ещё не выдали замуж. Есть о чём мечтать, а не сидеть и медитировать. Молодость берёт своё.

Я внутренне вздрогнула от его слов о замужестве. Если

бы он только знал, кому я была обещана, эта шутка перестала бы казаться смешной. Но я не могла комментировать это вслух, поэтому лишь сохранила вежливую, хоть и напряжённую, улыбку, стараясь перевести тему на более нейтральные вещи.

– Сегодняшний заказ как-то повлияет на моё состояние, господин Нокс? – спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Он перестал толочь травы и поднял на меня свои мудрые глаза. В них не было осуждения, только мягкое понимание. Он, кажется, читал больше, чем просто о моём плохом усвоении магии.

– Это поможет тебе найти центр, Леди Лотторен. Но помни: никакой набор трав не заменит внутренней дисциплины. Ищи тишину не снаружи, а внутри себя, даже когда мир вокруг рушится.

Его слова про "внутреннюю тишину" и "рушащийся мир" были на удивление пророческими и задели какую-то струну в моей душе. Я поняла, что эта пронизательность неслучайна, и многие жители города, отрезанные от дворцовых интриг, видели куда больше, чем мы, фейри, запертые в своих ритуалах. Я кивнула, благодаря его за мудрость, и его лицо озарилось тёплой, искренней улыбкой.

Когда мой заказ, состоящий из успокаивающего сбора, был аккуратно упакован в большие, мясистые листья водной лилии и перевязан бечёвкой, я достала кошелёк.

Цена была более чем разумной.

Я расплатилась, стараясь не задерживаться, поскольку каждая лишняя минута могла задержать моё прибытие на занятие.

– Благодарю вас, господин Нокс. Эти травы мне очень пригодятся, – я сделала лёгкий реверанс.

– И вам всего доброго, Ваша Светлость. Берегите себя, – ответил он, провожая меня взглядом до самой двери.

Остановившись по дороге у лавки с серебрянными изделиями, я купила изящный браслет с чёрно-оранжевыми жемчужинами из Двора Чёрных песков и отправилась в замок.

Пробираясь через бурлящие улицы каменного города у подножия Древа, я старалась сохранить свой быстрый темп, но не бежать, чтобы не привлекать излишнего внимания. Мой плащ, хоть и не скрывал рогов полностью, позволял мне сливаться с менее заметной частью придворных фейри, тех, кто занимался административными делами в городе, а не витал в верхних, стеклянных залах.

Наконец, я увидела ворота, через которые выбралась. Высокие, резные створы, которые фейри-стражники охраняли с показной, но обычно ленивой бдительностью.

И тут я увидела его.

У самой арки, болтая с одним из рыцарей, стояла знакомая рыжая макушка, выгоревшая на солнце до оттенка старой меди. Сейфи.

Моё сердце пропустило удар от радости. Он был един-

ственной искрой настоящего света в этой золотой клетке. Я быстро подошла к воротам, стараясь придать своему лицу выражение сдержанной важности, которое требовалось от меня по статусу.

Стражники выпрямились. Двое крылатых фейри в бронзовых доспехах уважительно склонили головы. Я кивнула им, но взгляд мой был прикован к Сейфи, чьи голубые, всегда немного насмешливые глаза, тут же округлились, изображая полную покорность, когда он понял, что я его заметила.

Он был прекрасным актёром.

– Киттен, – произнесла я громко, используя его фамилию, чтобы подчеркнуть наш статус перед стражей, – Я думала, ты занят в южном крыле. Быстро следуй за мной, у меня есть для тебя срочное поручение. Сегодняшнее занятие с принцессой Эриной скоро начнётся, и мне нужно кое-что подготовить.

Моё поручение звучало достаточно убедительно, чтобы никто из стражи не посмел его остановить. Сейфи, делая вид, что ему выпала великая честь, отвесил глубочайший, почти театральный поклон рыцарям, а затем последовал за мной, изображая на лице глубокое уважение и смирение. Он специально чуть наклонил голову, демонстрируя свою покорность, и даже замедлил шаг, чтобы его не заподозрили в излишней фамильярности.

Мы шли по широкой галерее, вырезанной в толстой коре

Древа Жизни, где свет проникал сквозь жилы дерева мягким, изумрудным сиянием. Было тихо, лишь приглушённое эхо наших шагов нарушало покой. Как только мы свернули в пустой служебный коридор, ведущий к моей части крыла, где стражи не было, я не выдержала.

Мои губы растянулись в широкой, беззаботной улыбке.

Он сделал это первым. Сейфи, успевший опередить меня пару метров назад, резко развернулся, и я, не успев затормозить, влетела в его крепкие, но тонкие руки. Мы оба захихикали, как два нашкодивших подростка, нарушивших строгий придворный этикет.

– Куда ты так быстро, Леди Лотторен? – его голос был полон притворного беспокойства, – Тебя и правда не было в течение двух часов. Я уже думал, придётся разыгрывать сердечный приступ, чтобы привлечь твоё внимание.

Его шутка заставила меня рассмеяться громче, и я тут же прикрыла рот рукой, вспомнив, где мы находимся. Его объятие было коротким, но насыщенным, и в этот момент я чувствовала себя просто Лимой, а не дочерью высокопоставленного советника или потенциальной невестой принца. Это было бесценно.

Я отстранилась, слегка поправив плащ, и решила похвастаться.

– Да так, прикупила пару новых украшений и трав, – весело усмехнувшись, я показала ему правое запястье. Серебряный браслет с чёрно-золотыми жемчужинами, который так

нежно опоясывал мою руку, мерцал в изумрудном свете.

Сейфи тут же оценил украшение, его глаза, цвета чистого неба, внимательно изучили камни.

– Какая ты деловая леди, – его улыбка стала шире, – Разрешите вашу ручку, чтобы оценить сие произведение искусства?

Он выпятил грудь, нарочито изображая напыщенного придворного, который сейчас извергнет поток бессмысленных комплиментов. Я подала ему ладонь, и он аккуратно взял её в свои, более грубые, но тёплые руки.

– Ах, какая изящная работа! – драматично воскликнул он, – А какие камни! Выглядит прелестно, леди. Ваша красота, как и красота этого браслета, не подлежит сомнению!

Он картинно поклонился, склонив голову так низко, что его рыжие волосы упали на мои костяшки. Затем он, едва касаясь, поцеловал мою руку, после чего мы оба расхохотались, забыв обо всех печалях и тревогах этого утра. Он всегда умел отвлечь меня от тяжести дворцовой жизни.

Сейфи Киттен. Человек. Раб. Мой друг. Нам обоим приходилось играть в эти дурацкие игры и придерживаться строгих рамок, установленных обществом фейри, где он, смертный, стоял на самой низкой ступени, а я - высокородная фейри, дочь Верховного Советника и часть аристократии.

Наша дружба была абсолютно невозможной и строго запрещённой, но тем слаще была каждая украденная минута.

С недавнего времени я выпросила для Сейфи должность

подле меня, используя влияние отца и свои чары. Теперь он был одним из тех слуг, которые служили лично мне, хотя это не освобождало его от других обязанностей при дворе. Мои пожелания, однако, были у него в приоритете, что давало нам шанс иногда побыть наедине, избегая назойливых глаз.

Пользуясь этим, я часто вызывала своего «слугу», чтобы веселиться и играть в какие-нибудь настольные игры в залах моего крыла, подальше от скучных придворных и надменного принца.

Эрина знала, что я дружу с человеком, и не одобряла этого.

Она не ругала меня в открытую, но всякий раз недовольно морщила свой маленький носик, при упоминании фамилии Киттен, напоминая о пропасти, которая нас разделяла. Это всегда было одним из немногих, но стойких разногласий между нами.

С Сейфи всегда было легко и весело. Хоть нас и разделяли целых две человеческие жизни по возрасту, вместе мы были абсолютно на одной волне. В пересчёте на возраст фейри, мы были почти одногодки, и он казался мне куда более зрелым и понимающим, чем большинство моих сверстников-фейри, чьи жизни были ограничены рамками этикета и поиском наиболее выгодной партии.

Он был настоящим. Он был моим. И это давало сил.

– Ты что-то нервничаешь, – заметил Сейфи, когда мы уже подходили к коридору, ведущему к Тренировочным Залам,

– Принц снова тебя доставал? Я слышал, за завтраком он опять вёл себя не так уж прилично.

Я вздрогнула, вспомнив липкий взгляд Адена. Отвращение волной накатило на меня.

– Да. Опять донимал меня своим неуместным флиртом, – я понизила голос, – Я его ненавижу, Сейфи. И ненавижу, как отец продолжает его терпеть.

Моё отношение к принцу было тайной для двора, но не для Сейфи.

– Ты держись, – он положил руку мне на плечо, и жест этот, исполненный поддержки, был не жестом слуги, а жестом равного. – Это ненадолго. Ты же знаешь, твой отец никогда не позволит ему заполучить тебя.

Я постаралась ухватиться за эту уверенность, словно за спасательный круг. «Твой отец не позволит». Как же я хотела в это верить.

– Надеюсь, ты прав, – я смахнула невидимую пылинку с его рубахи, – А теперь, тебе нужно идти. У меня сегодня занятие с Эриной по контролю природной магии. Ты же знаешь, как я не люблю эти занятия. Моя магия такая... непредсказуемая. Она всегда уходит куда-то не туда.

– Магия, – он фыркнул, этот звук был полон человеческой зависти и презрения к тому, чего он никогда не сможет постичь, – Я бы предпочёл, чтобы ты тренировалась с клинками. У тебя это выходит куда лучше, чем порхать, как мотылёк, вокруг этих ваших чар. Сколько раз ты уже едва не по-

дожгла себе волосы, пытаюсь вызвать этот жалкий огонёк?

Его замечание, как всегда, было метким, и я не могла не улыбнуться. Сейфи был абсолютно прав: мне всегда давались легче физические упражнения и фехтование, чем сложные магические плетения. Моя магия была странной – мощной, но непредсказуемой, и она никогда не подчинялась тем классическим схемам, которые преподавал наш придворный маг, Мастер Вален. Я чувствовала силу, но управлять ею было всё равно, что пытаться удержать воду в сите. Это вызывало у меня глубокое, хотя и скрываемое, разочарование, особенно когда Эрина с лёгкостью призывала сильные потоки жизненной силы, достойные наследницы Двора Жизни.

– Я знаю, но я должна, – я пожалала плечами, чувствуя себя немного неуютно от его прямоты. – Принцесса считает, что я пренебрегаю нашим наследием. Кроме того, мой отец настаивает, чтобы я знала теорию наизусть, даже если практика хромает. Ты же помнишь, как он говорит: «Знание – это невидимый щит, который всегда с тобой». Так что, мне придётся в очередной раз слушать о том, как правильно призывать энергию из корней Древа, и пытаться понять, почему мой собственный «сосуд» так неохотно откликается на эти призывы, либо откликается, но чересчур бурно. Не хочу быть белой вороной...

– Ты — совершенство, – Сейфи ободряющая улыбка прогоняла мою неуверенность. – Теперь иди, и помни: если станет скучно, просто вспомни, как я дразню этих напыщенных

стражников. Это всегда помогает.

Я рассмеялась, кивнула и поспешила дальше. Коридоры, ведущие к Залу Корней, где обычно проводились магические тренировки, были широкими и светлыми, залитые мягким зелёным сиянием, исходящим от живой коры Древа. Это место было священным, наполненным густой, первозданной магией Двора Жизни. Здесь, в отличие от верхних этажей, даже воздух казался чище, тяжелее от концентрации энергии. Именно под этим залом, по преданию, находился один из шести осколков Сферы, наполняющий Древо силой, которая обеспечивала нашему Двору его богатство и могущество. Я чувствовала, как эта энергия давит на меня, словно невидимый водяной столб, и этот напор всегда вызывал у меня лёгкое головокружение, что было странно для феяри моего возраста.

Вскоре я достигла большой, круглой двери, вырезанной в стволе. За ней находился тренировочный зал. Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Внутри уже ждала Эрина, стоявшая посреди зала, её идеальная осанка и лёгкое сияние вокруг рук говорили о том, что она уже начала разогрев. Рядом с ней, как всегда, стоял Мастер Вален, старый феяри, который выглядел так, словно вырос из самого Древа – его кожа была похожа на кору, а глаза – на янтарные капли. Он был строг, но справедлив, и я уважала его знания, даже если его методы не всегда подходили мне.

– Ты опоздала, Лима, – голос Эрины, прозвучавший в

тишине зала, был холодным и укоризненным. Она даже не повернулась, чтобы посмотреть на меня, демонстрируя своё недовольство. – У нас всего час до обеда, а ты тратишь драгоценное время. Мы уже начали повторение теории о резонансе корней.

Мастер Вален лишь покачал головой, его взгляд был немного снисходительным, но беззлобным. Он, кажется, давно привык к моему вечному опозданию и моей неприязни к занятиям концентрации. Я быстро поклонилась, извиняясь, и подошла к ним, стараясь выглядеть как можно более прилежной. Эрина была не просто подругой, она была моей прямой связью с королевской семьёй, и её расположение было жизненно важным для моего отца. Я не могла позволить себе лишний раз её раздражать.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, – прошептала я, чувствуя, как моё лицо вспыхивает от стыда. – Я была в городе, покупала, что нужно для занятий. Обещаю, больше не повторится. Я готова. Что мы повторяем?

Мастер Вален, наконец, заговорил, его голос был низким и гулким, словно эхо в пещере.

– Резонанс, леди Лотторен. Мы обсуждаем, как магия, исходящая от осколка, преникает в твой сосуд и взаимодействует с землёй, как ты черпаешь силу. Ты должна чувствовать её, а не просто читать о ней в пыльных свитках. Покажи мне, как ты призываешь жизненный поток, не используя формул. Я хочу видеть чистое чувство, как это делает Эри-

на. Вперёд.

Я тяжело вздохнула. Чистое чувство. Это было моим проклятием. Я закрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться, пытаюсь ощутить этот животворящий поток, который, как говорили, пронизывал каждую клеточку Древа. Я чувствовала магию, она была везде, густая, тёплая, но когда я пыталась притянуть её к себе, чтобы сформировать хоть какой-то элементарный сгусток, она ускользала, становясь дикой и непокорной. Или, что ещё хуже, она слишком быстро откликнулась, но не в той форме, которую я хотела, часто вызывая неконтролируемые вспышки или странные, непредсказуемые эффекты. Это было похоже на попытку поймать ветер голыми руками, и каждый раз я терпела неудачу, чувствуя себя ущербной в мире, где магия была врождённым правом.

Принцесса Эрина издала лёгкий, едва слышный смешок. Она стояла рядом, её руки уже светились мягким золотисто-зелёным светом, в них пульсировала чистая, контролируемая энергия Жизни. Она всегда была идеальной феями, идеальной наследницей, и её совершенство всегда подчёркивало моё несовершенство, моё странное, нелогичное, "сломанное" отношение к магии. Я стиснула зубы и глубоко вдохнула, фокусируясь на единственном, что я могла контролировать – своим гневом, своей решимости. Это было не самое лучшее топливо для магии Жизни, но это было всё, что я могла иметь в этот момент. Наконец, почувствовав тепло, я приоткрыла глаза, мои руки так же, как у Эрины опоясывал

золотисто-фиолетовый свет, заставляя мастера довольно пожевать старческие губы.

- Хорошо, Лима, молодец.

Лёгкое покалывание отвлекло меня от похвалы, свет, окутывающий пальцы усилился, заставляя меня нервничать, бросив взгляд на подругу, я уловила её озадаченное выражение лица, в следующую секунду, коротко вскрикнув, я почувствовала жгучую боль на кончиках пальцев.

Глава 3

Золотой свет обжёг мои руки, вскрикнув, я взмахнула пальцами, будто пытаюсь потушить огонь на ногтях, и затрясла кистями, теряя концентрацию. В горле встал комок от досады – я опять потерпела неудачу. Неконтролируемый выброс силы, который почти обжёг мне кожу, был моим вечным проклятием, и я чувствовала, как на лице появляется горячий румянец стыда, особенно под насмешливым взглядом Эрины. Каждый раз, когда я пыталась притянуть чистую магию Жизни, она откликнулась слишком яростно, слишком быстро, как дикий зверь, вырвавшийся из клетки, и я не могла удержать её в тех рамках, которые требовались для стандартных плетений нашего Двора.

Мастер Вален, стоявший чуть в стороне, тихо покачал головой, и этот жест расстроил меня больше, чем его упрёки. Он выглядел утомлённым моим постоянным несоответствием, моей неспособностью вписаться в стройную систему, которую он преподавал уже несколько веков. Я чувствовала себя сломанным инструментом в руках великого мастера, который никак не мог понять, почему этот инструмент не работает так, как должно. Этот момент неудачи был для меня всегда самым болезненным, потому что он обнажал мою ущербность перед лицом идеальной наследницы, Эрины.

– У тебя большой сосуд, Лима, почти такой же, как у Эрины, – голос Валентина был гулким, он эхом отдавался в толстых стенах Зала Корней. – Я не удивлён, с учётом потенциала твоего отца.

Конечно, папа. Все мои достоинства всегда приписывались ему, Верховному Советнику, человеку невероятной магической силы и проницательности. Но что насчет меня? Я лишь сжала губы, пытаясь успокоить дрожащие руки.

– Судя по всему и у матери была хорошая предрасположенность к магии, раз у тебя столько силы, но твоя проблема в концентрации, – продолжил Мастер, задумчиво поглаживая свою длинную, седую бороду, которая действительно походила на мох, растущий на древней коре Древа. – Ты не умеешь сосредотачиваться достаточно, чтобы удержать силу в узде. Твоя энергия пульсирует, Лима, как сердце, которое вот-вот выпрыгнет из груди, и ты не даёшь ей нужного направления.

Не хватает концентрации. Это правда, я уже столько раз об этом слышала. Мои мысли всегда блуждали, особенно сегодня, после пошатнувшегося настроения за завтраком и после разговора с Сейфи. Как тут сосредоточиться на призыве чистой жизненной силы, когда, кажется, с самого утра всё было направлено на то, чтобы вывести меня из равновесия.

– Думаю, тебе следует посетить залы для медитации в башне магов, чтобы научиться не отвлекаться от процесса, – предложил Мастер Вален, пошаркав своими старыми ногами

к стеллажу, заполненному пыльными свитками, обтянутыми живой корой Древа. Он намеревался что-то отыскать, вероятно, какой-нибудь древний трактат о самоконтроле, который я и так уже знала наизусть.

Пока он искал, я перевела взгляд на Эрину. Она хихикала, её идеальная, золотисто-зелёная мана текла по её рукам безупречным, контролируемым потоком. Она высунула язык, поддразнивая меня, и покачала головой, словно говоря: «Ну вот, опять». Я усмехнулась на эту выходку. Несмотря на её природное совершенство, она никогда не была высокомерна в магии, скорее просто не понимала, как можно с этим не справляться, для неё это было так же естественно, как дышать.

Её баловство, как ни странно, немного меня расслабило. Это было то, что я ценила в нашей дружбе: она позволяла мне быть просто Лимой, а не Леди Лотгорен, и не ожидала от меня такого же совершенства, какого требовал двор. Она была идеальным фейри, но оставалась моей сестрой по духу, единственной, кто знал меня настоящую, за исключением Сейфи.

Я вновь встала в стойку, сцепив пальцы до побеления костяшек, и принялась снова за контроль. Я сосредоточилась на чувстве. Магия Древа была везде, густая и тёплая, но моё собственное внутреннееместилище, мой "сосуд", казалось, было слишком нетерпеливым, слишком ненасытным. Я чувствовала, как оно словно вытягивает силу извне с избытком,

и этот напор всегда меня сбивал.

Эрина тем временем попыталась отвлечь меня ещё сильнее, вырисовывая из света небольшую, мерцающую фигурку над своими ладонями. Это был крошечный дракончик, который, взмахнув крыльями из чистого света, завис в воздухе и тут же сгорел, превратившись в золотой дымок. Это было красиво и раздражающе одновременно.

– Перестань отвлекать меня, – нахмурившись, я заставила пальцы вновь светиться, на этот раз сдерживая порыв. Мне удалось удержать тонкий золотистый луч света, и я чувствовала себя так, словно только что покорила вершину самой высокой горы. Это был мизерный успех, но всё же успех. Мой луч был тоньше и менее насыщен, чем у Эрины, но он был под контролем, и я не позволила ему вспыхнуть и обжечь меня.

– Как же тогда ты будешь тренировать концентрацию, – она хихикнула, и её голос был полон добродушного вызова. – Если ты не можешь сосредоточиться, когда я просто рисую тебе дракончика, что ты будешь делать, когда на тебя нападут монстры Межземелья?

Она не боялась говорить о тёмных вещах. Мы часто шутили про Межземелье, но это была та часть реальности, которая всегда висела над нами, как меч над воином на тренировках. Это была граница нашего цивилизованного мира, и даже наше могущественное Древо Жизни не могло полностью защитить нас от её угроз.

– На меня не нападут монстры Межземелья, – ответила я, сосредоточенно удерживая луч. – Я дочь Советника, а не заблудший искатель. Мне бы хватило просто уметь призывать огонь, чтобы растопить лёд во Дворе Метелей, а не создавать этих твоих причудливых драконов.

Это было моей вечной шуткой. Эрина, как феяри Жизни, специализировалась на исцелении и росте, а я, несмотря на все усилия, всегда тяготела к силам, противоположным нашему Двору – к огню, земле, и даже странным теневым плетениям, которые Мастер Вален старался игнорировать. Я чувствовала себя странным аномальным цветком в оранжеее, полной идеальных орхидей. Возможно, я и была такой – странной, неконтролируемой, неуместной. Вероятно, сказывалось влияние моей матери. Я часто выдумывала, что она могла бы быть из Двора Костей или Молний.

– Ты такая зануда, Лима, – она закатила глаза, но тут же улыбнулась. – Смотри, – её руки снова вспыхнули, и на этот раз она сплела из света два маленьких бутона, один ярко-золотой – лилия, другой – тускло-фиолетовый – осенний шафран. Она бросила фиолетовый мне, и он мягко упал мне на ладонь, пульсируя, как маленькое, бьющееся сердце. – Это для тебя. Учись, зануда.

Фиолетовый бутон, созданный из магии Жизни, выглядел противоестественно, но был очень красив, и я не смогла сдержать улыбку. Это был знак нашей дружбы: даже магия, разделённая по Дворам и стихиям, могла объединяться в на-

ших руках. Я осторожно положила свой луч света, который тут же погас, и спрятала бутон во внутренний карман своего камзола, чувствуя его тепло. Мне всегда нравилось её отношение к магии: лёгкое, игровое, но при этом безупречно точное.

– Медитация, – Вален вернулся – из своих поисков, держа в руках толстый, пожелтевший свиток, скреплённый серебряной печатью. – Это твоё домашнее задание. Изучи теорию о контроле стихий, Лотторен. И начни с простого – задержки дыхания. Ты не сможешь контролировать внешний поток, пока не научишься контролировать свой внутренний. Твоя сила – это твоя проблема, пока ты не обуздаешь её.

Я взяла свиток, чувствуя его тяжесть и древность. Наверное, он был старше, чем весь Двор. «Твоя сила – это твоя проблема». Эти слова почему-то отозвались во мне горькой правдой.

Около часа я пыталась удерживать ману на одном уровне. Хоть у меня и получалось, но я спиной чувствовала недовольство предворного мага, когда свет то мерцал, то угасал с некоторой периодичностью. Когда же, наконец, закончив нашу пытку, преподаватель кивнул, разрешая отпустить магию, я выдохнула, роняя руки вдоль тела.

Эрина, заметив моё мрачное настроение, тут же подошла ко мне, положив руку мне на плечо. Её прикосновение было тёплым и успокаивающим. Она была моим единственным напоминанием о том, что не вся придворная жизнь – это по-

литика и лицемерие.

– Не слушай его, Лима, – прошептала она, её глаза были полны искренней поддержки. – Он просто старый зануда. Ты сильная. Просто... особенная. Зато, когда ты научишься контролировать свой «сосуд», ты будешь вдвое сильнее меня.

– Вдвое сильнее, чтобы создать два жалких бутона, – пробормотала я, но улыбка всё же прорвалась сквозь мою напускную угрюмость. Я ценю её попытки меня подбодрить, даже если они звучали немного наивно. Она действительно верила в мой потенциал, и это было важно.

– Именно! – Эрина засмеялась, и её смех, звонкий и чистый, наполнил Зал Корней.

Мастер Вален, очевидно, считал, что наш урок окончен.

– На сегодня всё, леди. До завтра.

Мы поклонились и быстро направились к выходу. Свежий, влажный воздух коридоров, пахнувший древесной смолой и мхом, был облегчением после духоты Зала Корней. Я чувствовала себя выжатой, но немного успокоенной.

– Ты идёшь обедать? – спросила Эрина, поправляя свои длинные зелёные волосы. – Папа будет в зале, он хочет обсудить что-то с Юстейлом по поводу южных границ.

– Я, наверное, пропущу. – Сказала я. – Я ужасно устала от этой маны, голова раскалывается. Мне нужно переодеться и... - я запнулась, пытаясь придумать отмазку.

– Снова сбегаешь от королевской семьи? – Эрина поддразнила меня, но в её голосе не было осуждения. Она знала, как

я не люблю эти формальные обеды, где каждый жест и каждое слово взвешивались на весах травника, а принц Аден не сводил с меня глаз.

– Я не сбегаяю, я... практикую контроль над дыханием, – я показала на свиток, который всё ещё сжимала в руках, – Ты же знаешь, что Вален сказал. Медитация. Мне нужно побыть одной.

Эрина кивнула.

– Хорошо. Увидимся вечером? Мы хотели поиграть в карты.

– Да, конечно, – я искренне улыбнулась. Наша вечерняя игра в карты была ещё одним островком нормальности в этом сумасшедшем мире. – Только дай мне пару часов, чтобы прийти в себя. И не забудь, я тебе не проиграю сегодня!

– Посмотрим, – она подмигнула.

Мы подошли к разветвлению коридоров. Эрина направилась в сторону королевских покоев, её силуэт, сияющий в изумрудном свете, был воплощением грации и власти. Я же повернула к своему крылу, и чем ближе я подходила к своей части, тем сильнее становилось моё внутреннее беспокойство. Я чувствовала, что воздух вокруг сгущается. Словно мир готовился сделать глубокий, тяжёлый вдох перед тем, как окончательно взорваться.

Стараясь сдержать непонятный приступ паники, что накатил на меня после изнурительного, но неудачного занятия с Эриной и Мастером Валенем, я сжала ткань камзола на гру-

ди и поспешила в спальню. Мои ботинки почти бесшумно скользили по полированному деревянному полу коридоров, пока я мчалась в сторону своего крыла. Сердце всё ещё колотилось, а голова гудела от переизбытка магической энергии, которую я снова не смогла укротить. Почувствовав облегчение, когда я, наконец, оказалась в своих покоях, я толкнула дверь и вошла. Мне хотелось просто рухнуть на кровать и закрыть глаза, забыв о моём вечном проклятии — неконтролируемой магии. Свиток с домашним заданием, который дал мне Мастер Вален, с силой врезался в мою руку, напоминая о необходимости медитации, чтобы хоть как-то восстановить равновесие.

Первое, что я сделала, придя в спальню - это побежала к пуфику у трельяжа. Нащупав под мягкой подушкой незаметный карман, я нашла в нём крючок, открывающий в стуле секретный тайник. Внутри уже лежала записка.

Я схватила клочок бумаги. Тревога немного отступила, стоило мне подумать о друге, который всегда находил способ проскользнуть мимо дворцовой бдительности, чтобы оставить мне тайное послание или просто побыть рядом. Его почерк был кривой и угловатый, полный помарок и орфографических ошибок, которые он, будучи смертным рабом, никогда не имел возможности исправить, но которые делали его послания невероятно трогательными и искренними.

«Лима, Котёнок желает удачи, Леди. И доброго дня. Если будете свободной, вечером принесу фруктов и сыграем в

карты. Прошу, не позволяйте этому самодовольному принцу испортить вам настроение». Каждое слово было наполнено его привычной беспечностью и теплотой, и я улыбнулась, ощущая, как напряжение, сковывавшее меня с самого утра, начинает понемногу таять. Он был моим единственным глотком свежего воздуха в этой золотой клетке, моим неммым укором всему Двору Жизни, который так гордился своим презрением к смертным.

– И тебе доброго дня, Котёнок, – прошептала я в ответ пустому помещению, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна нежности. – И нет, он не испортит.

Мы не могли сыграть в карты, так как я уже договорилась с Эриной, но его присутствие как моего личного служки было бы вполне допустимо. Принцесса просто не поняла бы, если бы я попросила Сейфи присоединиться к нашей игре в карты на правах друга, но против его присутствия как скромного слуги, подающего напитки и убирающего со стола, она не будет против. Это был идеальный способ познакомиться их, тем более, что Эрина всё ещё относилась к нему с недоверием, считая, что я «водилась с черною». Я надеялась, что, увидев его во всей его учтивости и дружелюбности, Эрина изменит своё мнение о Сейфи, и тогда мы, возможно, смогли бы играть в карты все вместе, втроём, без дурацких ролей и условностей. Это было бы настоящим праздником для меня, но, как я понимала, пока лишь несбыточной мечтой.

Сначала – медитация. Я должна попрактиковать то, что

навязал мне Вален. Нельзя позорить отца своим неумением управлять силами, особенно сейчас, когда он и так был на грани нервного срыва из-за королевских дел. Решив, что займусь этой небольшой «дипломатической миссией» вечером, я отложила записку на тумбочку и сосредоточилась на более насущной проблеме: моём магическом контроле. Я должна была хоть немного успокоить свою бунтующую ману, чтобы завтра не выглядеть полным провалом перед Мастером Валеном и идеальной Эриной. Я развернула увесистый свёрток, который принесла из города, и моё обоняние тут же уловило густой, терпкий запах смеси, купленной у господина Нокса.

Травы для концентрации, как он сказал. Я достала небольшую ложечку и, аккуратно зачерпнув ею травяной порошок, насыпала его в курильницу, сделанную из полированного нефрита. Затем, используя тонкий серебряный стилет, я выстроила благовония в виде сложной фигуры — спирали, символизирующей путь маны внутри тела. Этот ритуал всегда помогал мне настроиться: придать форму внешнему хаосу, чтобы найти гармонию внутри. Я подожгла один конец фигуры. Сладковатый дым, пахнущий лавандой, лунной розой и чем-то горьким, лечебным, поплыл по комнате, медленно окутывая меня и унося далеко за пределы дворцовой суеты. Это было моё единственное спасение.

Иногда мне казалось, что медитация не просто помогает мне с концентрацией, но и служит порталом в подсознание, позволяя мне раскрыть отцовскую черту магии внутри. Вер-

ховный Советник Лотторен был не только мастером плетения, но и провидцем, и я очень редко, но видела короткие, обрывочные видения, которые могли ждать меня в недалёком будущем. Ощущение нашего сходства доставляло мне удовольствие, это был наш общий дар, и каждое такое видение наполняло меня гордостью и ощущением, что я двигаюсь в верном направлении. Случалось это не часто, поэтому каждый ритуал медитации, несмотря на всю его изнурительность, заставлял меня ощутить прилив надежды не только на обучение концентрации, но и на шанс увидеть больше, понять больше, чем мне было дозволено знать.

– Ищи тишину не снаружи, а внутри себя, – прошептала я, повторяя слова Нокса. Его мудрость была куда более практичной, чем все многовековые теории Мастера Валена. Я села в позу лотоса посреди комнаты, лицом к окну, через которое проникал зенитный, но уже клонящийся к закату свет. Прикрыв глаза, я вдохнула сладковатый запах трав полной грудью, чувствуя, как дым проникает глубоко в лёгкие, омывая их. Я сосредоточилась на внутренней мане, пытаюсь уловить тот самый «пульс», который Мастер Вален говорил мне искать.

Ощущая, как потоки магии циркулируют в моём теле, я медленно выдохнула, после чего так же медленно вдохнула вновь. Голова опустела, а в ушах зазвучал белый шум, словно далёкий прибой. Звуки дворцовой суеты растворились, оставляя лишь биение сердца и моё дыхание — единствен-

ный якорь в этом безграничном, тёплом океане маны. На мгновение мне удалось ощутить контроль над силой, словно я поймала за хвост стремительную комету. Это была лишь секунда, но её хватило, чтобы я поняла, что движусь в верном направлении. Я не позволила силе вырваться, не дала ей вспыхнуть и обжечь.

Спустя ещё несколько вдохов и выдохов я нащупала пульсирующий путь маны – мой «сосуд» был полон до краёв, неистовый, но наконец-то податливый. Я стала медленно, словно струны арфы, перебирать его, двигаясь к следующей точке в теле, к третьему глазу, пытаюсь направить туда всю свою магическую энергию, чтобы пробиться сквозь завесу настоящего. Я почувствовала, как давление нарастает.

Неожиданно темнота перед глазами зарябила, словно круги на воде. Так бывало, когда мне открывалось будущее, это было так редко, что я чуть от радости не потеряла концентрацию. Это то, чего я так ждала! Но вовремя себя осадив, я продолжила прислушиваться к биению сердца и дыханию, не давая внутреннему восторгу вырваться наружу и разрушить хрупкую связь. Картинка перед глазами прояснилась, словно кто-то стёр с холста густые мазки краски. Это было не яркое, чёткое изображение, а скорее мимолётное ощущение, пропитанное эмоциями.

Я находилась в темноте незнакомых, густых зарослей, таких не было на территории Стеклянного Дворца или в ближайшей местности. Деревья были чужими, огромными,

с листвою цвета запекшейся крови. Воздух был тяжёлым, влажным, пахнущим гнилью и чем-то острым, звериным. Сердце моё колотилось от страха, нет, не просто страха — от животного ужаса, того первобытного ужаса, который заставлял мозг кричать: Беги! Я была готова плакать и молить о спасении, но не могла издать ни звука. Я была одна в этом кошмаре, ощущая себя маленькой и беззащитной перед лицом чего-то непостижимо огромного и хищного. Это было Межземелье, я была уверена.

И тут же, словно дар с небес, передо мной возникла спина незнакомого фейри. Он был высоким, в одежде, которая казалась слишком тёмной для Двора Жизни, но его силуэт был невероятно сильным, твёрдым, словно скала. На его плечах, широких и мощных, покоился тяжёлый дорожный плащ. От него исходила волна спокойствия, чистой, контролируемой силы, которая моментально погасила мой животный страх. Я ощутила надежду, такую сильную, что она почти обожгла мне лёгкие, и в ту же секунду меня резко выпихнуло из видения, словно из пушечного жерла. Это был такой внезапный и насильственный разрыв, что я даже не успела увидеть его лица, лишь почувствовала его присутствие, его силу, его обещание безопасности.

Я упала на бок, судорожно втягивая воздух в сжавшиеся лёгкие. В груди заболело, и я закашлялась, выплёвывая изо рта остатки горького дыма. Перед глазами плясали фиолетовые и золотые пятна, остатки слишком быстро прерванного

транса, и я не сразу поняла, что уже нахожусь в своей комнате, а не в жутких зарослях. Меня трясло. Судя по тому, что осталось от благовоний, я пробыла в трансе не меньше часа, и сейчас солнце, покинувшее зенит слабо светило в спальню через окно, уже заметно клонясь к закату. Я поднялась на ноги, стараясь выровнять дыхание, которое всё ещё было прерывистым. Мокрые волосы прилипли ко лбу и щекам, а моя кожа была ледяной от проступившего пота. Страх ушёл, но осталась странная, пугающая ясность. Я увидела Межземелье. И я увидела своего спасителя. Но вопрос стоял в другом - что я там делала?

Вопрос, конечно, оставался без ответа, и это бесило. Почему я, дочь Верховного Советника Юстейла Лотторена, должна видеть во снах гниющие джунгли Межземелья, где меня терзает животный, первобытный страх? Это было так нелогично, так далеко от упорядоченного, золотого спокойствия Двора Жизни, что я чувствовала себя чужой, словно подслушала тайну, которая не предназначалась для моих ушей. Узнать детали той страшной картины, прояснить личность незнакомца, от которого исходила волна спасительной силы, мне не представлялось возможным. Это был всего лишь мимолётный кадр, словно вырванный из чужой жизни, который оставил после себя лишь липкое, неприятное послевкусие и острый приступ тошноты, вызванный резким разрывом концентрации.

Меня мутило, и мир перед глазами плыл.

Подскочив на ноги, я пошатнулась, хватаясь за резной столб, держащий балдахин кровати. Зажав рот рукой, я глубоко вдохнула через нос, пытаюсь удержать поднимающийся к горлу желчный комок. Нельзя было показываться в таком виде Эрине и уж тем более при дворе. Леди Лотторен должна была быть образцом собранности и грации. Осторожно подойдя к туалетному столику, я принялась поправлять расстрёпанную медитацией причёску, натягивая на лицо маску безмятежности.

Я быстро привела себя в порядок и вышла из спальни, пытаюсь найти подругу, прежде чем она поднимет тревогу. Долго блуждать не пришлось, Эрина тоже искала меня, и мы столкнулись сразу на повороте в моё крыло. Она была облачена в платье из тёмно-зелёного шёлка, которое подчёркивало её принадлежность к Двору Жизни, а на её лице читалось одновременно нетерпение и лёгкое беспокойство.

– Ты долго, Лима, – произнесла она, сложив руки на груди. Её голос, несмотря на показное терпение, был пронизан укоризной. – Что-нибудь случилось? Твой транс затянулся, я уж подумала, что ты совсем уснула.

Я натянуто улыбнулась, стараясь, чтобы моё лицо не выдавало внутренних переживаний. Видение, стоящее перед глазами, немного смутило, и мне хотелось замести его под ковёр памяти, как неуместный мусор.

– Да, случилось, – солгала я, моя ложь прозвучала на удивление гладко. – Думаю, на завтрашнем занятии буду

лучше справляться. По крайней мере, я почти укротила своё золотое свечение. И травы от Нокса действительно успокаивают.

Эрина прищурилась, изучая меня с головы до ног, словно пытаюсь найти следы моей внутренней борьбы. Она знала меня слишком хорошо, чтобы поверить в мгновенный успех, но, к счастью, её собственная гордость и нетерпение перевесили критическое мышление.

– Ну, если ты не сожгла занавески, это уже прогресс, – она слегка фыркнула, но тут же сменила тему, сверкнув глазами от предвкушения. – Идём, они уже приехали. Я видела первые делегации издалека.

– Ты разве не должна встречать их вместе с отцом?

– Нет, официальное приветствие будет за ужином. Король должен сначала принять их в своём кабинете, чтобы показать свою важность. А сейчас их просто разместят в гостевом крыле. Но, – она наклонилась ко мне, понизив голос до заговорщицкого шёпота, – Посмотреть на них будет интересно, Лима! Послы из Двора Чёрных Песков приехали впервые за сотню лет. Это редкое зрелище, и отец не сможет нам запретить подглядывать!

Идея тайной вылазки, нарушающей строгий этикет, мгновенно подняла мне настроение. Глупая, детская шалость, но она была такой необходимой отдушиной в этом царстве мрака и скорби.

– Согласна, идём! – Моё сердце забилося быстрее, и я по-

чувствовала, как адреналин вытесняет остатки тревоги.

Мы, взявшись за руки, словно две нашкодившие служанки, помчались по широкому коридору в сторону Зала с Парадной лестницей. Этот зал был архитектурным чудом, возведённым внутри самого Древа, с огромным, спиральным пандусом, который, казалось, поддерживал весь дворец. Мы замедлили ход только у самого балкона, чтобы не привлекать внимания стражи, и, спрятавшись в тени массивной, резной колонны на втором ярусе, затаились, наблюдая за процессией прибывающих фейри, словно за театральным представлением.

Зал внизу был огромен, и через его центральные двери, которые охранялись парой десятков гвардейцев Двора Жизни, один за другим вливались посланники. Магия Древа Жизни, густая и тёплая, наполнила зал, но при этом чувствовалось, как она реагирует на чужеродные потоки энергии, принесённые гостями. Я могла без труда различить Дворы между собой по цвету рыцарских доспехов, которые, хоть и были унифицированы, отличались оттенками и гербами.

Первыми прошли посланники Двора Водопадов: их рыцари были одеты в доспехи, отливающие нежным, бледно-голубым светом, словно покрытые росой, а их плащи струились, как горные ручьи. Затем явились Белые из Двора Костей, их броня была матово-белой, покрытой сложными, зловещими узорами из имитации костей и сухожилий, а их магия была холодной, словно исходящей от мраморного skle-

па. За ними последовали тёмно-синие доспехи Двора Метелей, чьи плащи из натурального меха, казалось, искрились крошечными снежинками, принося с собой запах далёкого, ледящего горного воздуха. Двор Молний предстал в фиолетовом и тёмно-сером, их броня была острой, угловатой, а их шаги – быстрыми и нервными, словно перед грозой. Все они шли чинно, соблюдая строжайший протокол, а следом за ними семенили слуги, которые несли их вещи, нагруженные сундуками и свитки.

Наконец, наступила очередь последних. Сердце вдруг гулко забилося, напоминая о кошмарном видении, и я инстинктивно вцепилась в руку Эрины. Посланники Двора Чёрных Песков. Их доспехи были, как и ожидалось, матово-чёрными, лишёнными всяких украшений, кроме золотого герба, изображающего скорпиона. Их магия была другой, тяжёлой, как расплавленный песок, и сухой, словно воздух пустыни. Я чувствовала, как она давит на меня, вызывая ту же странную, жгучую боль, которую я испытывала в медитации, словно мой собственный сосуд пытался синхронизироваться с чужим, более тёмным, источником.

Пробежав взглядом по гостям, я тут же выцепила спину, выделяющуюся среди остальных. Мужчина были выше, мощнее и выглядел более дико, чем остальные фейри в этой делегации. Тёмный эльф с большой красной жемчужиной, болтающейся на мочке уха переговаривался с кем-то из стражи. На его плечах висел обсидиановый, совершенно не двор-

цовый плащ, похожий на тот, что я видела в своём видении.

Я не могла оторвать от него глаз. От него исходила та же нерушимая аура силы, которая подарила мне надежду в кошмаре. Мои пальцы невольно сжались в кулаки, и я почувствовала, как моё дыхание стало прерывистым. Магия снова стала бунтовать, стремясь вырваться наружу, словно она пыталась дотянуться до этого незнакомца.

Вдруг, словно почувствовав моё внимание, эльф резко обернулся. Его движения были молниеносными, хищными.

Он посмотрел прямо на наш балкон, прямо на меня.

Я вздрогнула, моё тело мгновенно оцепенело от шока. Сердце упало куда-то в желудок. Это был не просто случайный взгляд; он смотрел на нас, в его глазах читалась странная пронизательность, которая заставила меня почувствовать себя пойманной на месте преступления. Я не увидела его лица достаточно чётко – слишком далеко, слишком внезапно – но сам факт того, что он почувствовал нас, был невероятно пугающим.

Мы с Эриной синхронно дёрнулись назад, падая за толстую, резную колонну. Прислонив пальцы к губам, я заставила себя тихо, сдавленно захихикать, чтобы хоть как-то заглушить нарастающую панику. Это было нервное, глупое прикрытие.

– Ох, Лима! Ты видела?! Он на нас смотрел! – прошипела Эрина, и в её глазах, несмотря на волнение, горел озорной огонек. – Ты ему, кажется, понравилась. Он не отрывал от

тебя взгляда!

– Тише! – едва слышно ответила я, хотя её слова только усилили мою тревогу. Понравилась? Это было не восхищение, а что-то гораздо более глубокое, почти хищное, и оно заставило меня сжаться. – Идём! Нам нужно уходить, пока нас не поймали! Если нас здесь увидит Король, он будет в ярости. Сегодня второй день траура, а мы здесь, как две глупые стрекотки!

– Верно. Бежим! Идём через крыло прислуги, там сейчас никого нет, все заняты гостями, – Эрина схватила меня за руку, и мы, пригнувшись, словно два воришки, поспешили прочь от парадной лестницы. Мы двигались быстро, зная, что в верхних коридорах наша беззаботность может быть замечена и строго наказана. В этот момент мы снова были просто Лима и Эрина, свободные от титулов и обязанностей, и это было лучшим чувством на свете.

Мы петляли по длинным, витиеватым переходам, которые вели к нашим личным покоям. Адреналин от гонки и страха, что нас поймают, постепенно уходил, оставляя после себя лишь усталость. С каждым шагом я чувствовала, как моё тело становится тяжелее. Занятие с Валеном, изнурительный транс, эмоциональный всплеск при виде посла — всё это требовало платы.

К моменту, когда мы достигли моего крыла, я чувствовала себя абсолютно разбитой. Голова кружилась, а в висках пульсировала мана, словно пойманная в ловушку птица. Эрина,

видя моё состояние, лишь покачала головой, думая, что это от волнения.

– Ты сегодня совсем измотана, Лима, – заметила она, прислонившись к стене, чтобы отдышаться. – Тебе нужно отдохнуть перед ужином. И постарайся не привлекать к себе внимания Адена. Он, кажется, сегодня особенно настырен.

– Постараюсь, – прохрипела я, кивая, но уже не в силах улыбнуться. Мы вошли в мою спальню, и я почувствовала, как силы оставляют меня. Жгучая боль, которую я почувствовала в Зале Корней, вернулась, но теперь она была сильнее, пронизывая всё моё тело, словно ледяные иглы.

Это было слишком. Осколок Сферы внутри Древа Жизни, поход к Ноксу, медитация, видение, эмоциональный шок от принца, а теперь этот фейри – мой "сосуд" не выдержал такого напора. Я почувствовала, как моё тело начинает дрожать. Магия, которую я с таким трудом пыталась удержать, вырвалась из-под контроля. Я судорожно вдохнула, но воздух не поступал в лёгкие. Моё тело обмякло, и я почувствовала, как падаю, не в силах пошевелиться, чтобы смягчить падение. Сознание померкло, а последняя мысль была о том, как ужасно некрасиво сейчас словить припадок при подруге. Моё тело затрясло, глаза закатились, а пальцы напряжённо замерли в одном положении...

Глава 4

Чьи-то крики пробивались сквозь туман, сквозь густую, вязкую дымку сознания, словно звуки просачивались через толщу воды, медленно и искажённо. Я слышала обеспокоенный, глубокий голос отца, перемежающийся с нервными, почти истеричными восклицаниями Эрины, которые звенели где-то над моей головой. Ощущение было такое, будто я находилась на дне глубокого, тёмного озера, а мир, полный света и паники, оставался на поверхности, недостижимый и чужой. Только когда я почувствовала под собой мягкость перины, а не твёрдый пол, я поняла, что меня перенесли, и запахи, наконец, стали ясными, ударив мне в нос сильной смесью: сушёная лаванда, мятный отвар и горьковатые, медицинские травы, которые витали в спальне, словно защитный, но противный туман. Я открыла глаза, и мир медленно сфокусировался, возвращая мне ощущение тела, которое, на удивление, больше не дрожало, но было опустошённым.

– Папа... – голос был сухим, охрипшим, и, казалось, я лишь прошептала, но как только он прозвучал, сразу же воцарилась полная, звенящая тишина.

Тёплая, сильная рука отца тут же накрыла мою кисть, стиснув её в ободряющем, нежном жесте.

– Я здесь, цветочек, – прозвучал его голос, низкий, но невероятно обеспокоенный, и он нежно заглянул в мои мутные, всё ещё немного плывущие глаза.

Я смогла различить присутствующих. Возле моей постели, аккуратно складывая свои инструменты в кожаный саквояж, сидел придворный лекарь, пожилой, угрюмый фейри с невероятно длинными, тонкими усами. Папа, на чьём лице читалась такая усталость и тревога, которой я не видела раньше, крепко держал меня за руку. Взволнованная Эрина стояла чуть поодаль у кровати, её красивое зелёное платье было смято, а в проходе, на границе света и тени, виднелась рыжая макушка Сейфи, который, я уверена, непременно вызвался сбегать за лекарем, как только до слуг донёсся истеричный приказ Принцессы привести хиллера.

Он стоял там, сгорбившись, готовый исчезнуть при первом же неосторожном взгляде.

– Ты как, Лима? – в зелёных глазах принцессы стояли слёзы. Её губы дрожали.

– Я... чувствую себя лучше, – ответила я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал твёрже, чем я себя ощущала. – Что случилось? Почему я...

– У тебя, – эмоциональность Эрины была резко прервана спокойным, но твёрдым голосом моего отца, который, казалось, вернул себе контроль над ситуацией и теперь нёс только одну, тщательно выверенную версию событий.

– Ты переутомилась, дочка, – папа нежно погладил меня

по голове, пряча своё истинное беспокойство за маской отцовской строгости. – Из-за неумения хорошо управляться с маной, ты перенапряглась за день, и случился... приступ. Сейчас уже всё нормально, но это был тревожный звонок.

Приступ. Это звучало как приговор, как публичное признание моей полной некомпетентности в магии, что было самым страшным позором для дочери Верховного Советника во Дворе Жизни. Я стыдливо отвела взгляд, чувствуя, как щёки вспыхивают. Если бы я могла так же быстро и грациозно освоить все премудрости, как Эрина, такой ситуации бы не возникло, и мне бы не пришлось слушать этот унижительный вердикт. Я должна больше стараться на уроках магии. Моё неумение стоило мне здоровья и вызывало волнение отца.

– Оставьте нас, пожалуйста, – папа махнул рукой, его тон не допускал возражений, хотя был предельно вежлив по отношению к принцессе и лекарю, который был почти его ровесником.

Лекарь кивнул, указав на какие-то склянки с тёмно-зелёными растворами на столе возле кровати, и удалился, его шаги были тихими и осторожными. Эрина, немного помедлив, словно собиралась что-то сказать, посмотрела на меня с мольбой и, тяжело вздохнув, вышла следом, закрыв за собой дверь. Сейфи, не дожидаясь, пока Принцесса увидит его, испарился так быстро, что его присутствие могло показаться мне просто лихорадочным видением, что было только к

лучшему.

Мы остались одни. Тишина комнаты была плотной, нарушаемая лишь редкими скрипами Чар-Древа за окном, словно оно тоже сочувствовало моей слабости.

– Дочка, прости меня... – наконец, нарушил тишину отец, его голос был глухим, полным вины.

– Простить? – голова немного гудела, и я не совсем понимала, о чём он говорит. – За что, папа?

Он отодвинул прядь моих белых волос со лба, и его пальцы зарылись в них, его жест был полон такой нежности и сожаления, что это меня напугало больше, чем обморок.

– Ты поймёшь всё позже, сейчас не хочу тебя нагружать лишней информацией, – он произнёс это, глядя куда-то сквозь меня, словно видел в этой стене нечто большее, чем просто каменную кладку. – Просто знай, что твои проблемы с магией, с её контролем и непредсказуемой силой, частично из-за меня. Скажем так, дело в твоих родителях и их совместимости, а не в тебе. Не требуй от себя больше, чем ты можешь получить сейчас, это не твоя вина.

«Дело в родителях». Это было всё равно что сказать: «Дело в твоей матери». Его слова, казалось, подтверждали мою давнюю, смутную догадку, которую я гнала от себя. Магия Двора Жизни была мягкой, тёплой, золотисто-зелёной. Моя же – дикой, фиолетовой, готовой вспыхнуть в любой момент. Я часто ловила себя на том, что моя магия больше стремится к тьме, к хаосу, чем к свету и порядку. Она была похожа на

неконтролируемый, яростный электрический разряд, а не на живительный поток.

– Пап, – я осмелилась спросить, и мой голос был тихим, почти умоляющим, – Из какого Двора мама? Я часто ловлю себя на том, что моя магия больше стремится к тьме... Так ведь не должно быть, если вы оба... из Двора Жизни? Расскажи мне о ней хоть что-нибудь, прошу...

Я ждала ответа с замиранием сердца, надеясь услышать хоть какую-то истину о женщине, которую знала лишь по редким письмам и пересказам. Он глубоко вздохнул, и его аметистовые глаза на мгновение стали почти прозрачными, словно он заглянул в очень далёкое, болезненное прошлое.

– Твоя мама, – начал он, и каждое слово давалось ему с трудом, словно он перемалывал камни, – Твоя мама из Двора Молний.

«Двор Молний».

Я улыбнулась тому, что была права в своих фантазиях, в своих ощущениях, объясняющих моё внутреннее буйство. Это не было моей слабостью. Это было наследием. Это было объяснением моей природной тяги к неуправляемой силе, которая не знает пощады и порядка, и я почувствовала огромное, невероятное облегчение, которое смыло с меня чувство вины и стыда. Я прикрыла глаза, не желая видеть того напряжения, которое сейчас сквозило в каждом движении моего отца, понимая, насколько трудно ему далось это признание.

– Хорошо, я поняла тебя, – сказала я, слегка сжимая его руку в ответ. – Я не буду так сильно переживать, если ты говоришь, что дело не во мне, а в... в наследственности.

– Вот и хорошо, – его голос стал чуть мягче, и я почувствовала, как он снова нежно гладит меня по голове, словно успокаивая маленького напуганного зверя.

– Тебе нужно сделать перерыв от магии пару дней, Лима. Никаких занятий, даже можешь не посещать трапезы, – тон его стал приказным, но заботливым. – Я распоряжусь, чтобы всё приносили прямо в спальню.

Он сделал паузу.

– Не хватало ещё эмоционального воздействия Адена на тебя, чтобы ухудшить твоё состояние или влияния чужой магии, – скривившись точно так же, как я, когда речь заходила о Принце, он тут же вызвал у меня тихий смешок.

– Я хотела познакомиться с делегациями, – печально вздохнула я, вспоминая мрачную фигуру тёмного эльфа из Двора Чёрных Песков, который смотрел на меня с подножья лестницы.

Я не могла забыть того внезапного узнавания, той резкой волны магии, что пронзила меня при его виде.

– Много времени этому всё равно не уделят, – отец, кажется, не заметил моей тоски по незнакомцу. – Представят всех только сегодня вечером на ужине, который ты пропустишь, а потом все дела будут решаться в кабинете Его Величества за закрытыми дверями.

Он наклонился, и его глаза, полные лукавства, сверкнули в полумраке.

– Но, – сказал он, понизив голос до конспиративного шёпота, – Если успеешь поправиться, я познакомлю тебя с некоторыми из Представителей до их отъезда. Но только при условии, что ты поправишься и будешь выполнять все указания лекаря, договорились?

Я кивнула, чувствуя, как внутри разгорается слабый огонёк надежды и любопытства.

– Договорились, папа.

Усталость вновь накатила на меня, тяжёлой волной, и я закрыла глаза, погружаясь в желанный, спасительный сон, пока отец сидел рядом, охраняя мой покой. Я знала, что он не сможет провести со мной много времени.

Я проснулась от тихого позвякивания посуды, и это был самый приятный звук, который я слышала за последние сутки. Он вырвал меня из глубокого, почти лекарственного сна, и вернул к приятной реальности, где мир снова был цельным, а не рассыпавшимся на болезненные видения и тревожные предчувствия. Разлепив веки, которые были тяжёлыми, словно свинцовые, я заприметила силуэт, который со всей своей осторожностью, граничащей с подобострастием, медленно перекладывал из серебряного блюда на тарелку сыр и фрукты, видимо, чтобы не беспокоить моё драгоценное выздоровление. Это был Сейфи, и его присутствие тут же наполнило комнату привычной, дружеской теплотой, рез-

ко контрастирующей с формальной вежливостью, царившей здесь всё утро. Он всегда умел привносить лёгкость.

– Сейфи, – позвала я, стараясь сделать свой голос громче, чем сухой шёпот, который вырвался из моего горла, но даже этого было достаточно, чтобы мой гость вздрогнул и выронил крышку подноса из рук. Звон серебра, ударившегося о каменный пол, был оглушительным в тишине спальни. Он тут же кинулся к ней, чтобы поднять, пока круглые края крутились на камне, словно запущенный волчок.

– Ты меня напугала, о, Святая Сфера, что ты за феэри такая! – прошипел он в отчаянии, нервно осматривая дверь, словно ждал, что на звон прибежит стража, чтобы лишить его головы за оплошность.

Хихикнув, я приподнялась на локтях, устраиваясь поудобнее среди подушек, и улыбка сама растянулась на моём лице. Он выглядел таким нелепым в своей панике. Мой друг был единственным, кто мог назвать меня феэри с такой комичной интонацией.

– Что ты делаешь? – поинтересовалась я, кивая на тарелку и гору снеди, которую он принёс, видимо, рассчитывая на целый батальон, а не на одну хрупкую особу, приходящую в себя после магического приступа. – Я же не целый год спала.

– Ты себя плохо чувствуешь, – Сейфи, наконец, поднял крышку и положил её на стол, его голос был уже тише и ровнее, но он всё ещё выглядел немного взъерошенным. – Твой отец дал мне поручение – приносить тебе еду и развлекать,

пока ты того хочешь, чтобы тебе было не скучно и не одиноко. Целый день, представляешь?

– Очень мило с его стороны, – я откинулась на спину, глядя на резной потолок из коры.

Мне было приятно, что папа позаботился обо мне и обеспечил мне компанию, которая была куда приятнее, чем любая придворная дама или лекарь с его горькими отварами. Он как всегда был внимателен к моим желаниям. Теперь, зная о Дворе Молний, я понимала, что дело в наследии, а не в моей глупости, и это было огромным облегчением.

– Ага, готов служить и прислуживать, – Сейфи сделал театральный поклон, приложив руку к груди, и его глаза цвета чистого неба наполнились притворной покорностью, вызывая у меня лёгкую, но искреннюю улыбку. Он всегда умел даже из рабского положения сделать фарс, который помогал мне забыться. – Хочешь чего-нибудь? Я сегодня предлагал сыграть в карты, у меня есть новая колода, которую я купил вчера на базаре.

– Вообще, я уже договорилась с Эриной, – ответила я, обхватывая колени руками, – Но я подумала, что ты мог бы принести нам фрукты, и я бы вас, наконец, познакомила. Ей нужно посмотреть на тебя как на слугу, но я хочу, чтобы она увидела в тебе и моего друга. Я устала от того, что она так надменно о тебе думает.

Он стушевался, нервно одёргивая рукав своей скромной, но чистой служебной рубахи. В его глазах тут же вспыхнуло

беспокойство, а вся его показная бравада мгновенно испарилась, сменяясь тем выражением смирения, которое я так ненавидела на его лице. Я понимала, что ему некомфортно находиться рядом с членами королевской семьи, даже если это всего лишь моя лучшая подруга. Пропасть между смертным рабом и принцессой фейри была слишком велика, чтобы её легко перешагнуть.

– О? Оу... – протянул Сейфи, его голос был тихим и неуверенным. – Ты уверена, что это хорошая идея? Я же человек... Нас не жалуют... Ей будет... не по себе.

– Почему бы не попробовать? – я нахмурилась. – В конце концов, Эрина добрая, я думаю, она не будет грубить тебе, как минимум... Она просто немного... высокомерна, как и все фейри. Ты же знаешь. Но она хорошая, просто ей трудно переступить через этот этикет.

– Ага, как максимум – не отрубит голову за то что посмел посмотреть на неё? – его усмешка была горькой, а взгляд, которым он окинул свои руки, полным глубокого, векового стыда. Он тяжело вздохнул, и я почувствовала, как между нами пролегла та самая, ненавистная, невидимая социальная стена, которую я отчаянно пыталась разрушить. – Даже не знаю, что сказать на эту щедрость, Лима. Мне просто неловко перед Принцессой.

– Да брось, Китти, – я ласково улыбнулась, стараясь прогнать дурные мысли друга, хотя его опасения были абсолютно обоснованными. Я знала, что Эрина, несмотря на всю на-

шу дружбу, никогда не относилась к людям с должным уважением, считая их лишь необходимостью для выполнения грязной работы. – Если хочешь, я могу не представлять вас, но ты просто поприсутствуешь, как мой личный слуга. Она всё равно не посмеет меня отчитать за это.

– Давай тогда посмотрим по обстоятельствам? – он сдался, но его тон не выражал энтузиазма. Он, очевидно, был готов принять удар судьбы, но не искал его. Я кивнула, понимая, что это лучшее, что я могу получить от него сейчас.

Когда Киттен оставил меня одну, давая возможность приступить к трапезе, я обдумывала всё произошедшее за день, сидя на мягкой постели. Фрукты, сыр и мятный отвар были идеальным лекарством, хотя и не могли полностью заглушить внутреннюю бурю. Чувство неполноценности всё ещё ворочалось мерзким червяком под рёбрами, даже после признания отца. Сказать, что моя магия дикая, потому что мама из Двора Молний — это, конечно, объяснение, но оно не отменяло того факта, что я не могла управлять своей силой так же изящно и безупречно, как Эрина. Я всё ещё хотела стать такой же идеальной ученицей, чтобы Мастер Вален был доволен, и чтобы отец гордился мной, а не беспокоился о моём "приступе".

Я надеялась, что после сегодняшнего папа сделает мои уроки, по крайней мере, проще, или, может быть, найдёт мне наставника, который бы специализировался на магии Молний, а не Жизни. Лишь бы не раздельно с Эриной. Это един-

ственное, что я просила у Великой Сферы. Мысли о том, что мне придётся тренироваться в одиночестве, без её живого, золотистого потока, который хоть как-то уравнивал мой хаос, вызывали у меня глухое отчаяние. Я не хотела быть изгоем, особенно в магии.

Я быстро доела, чувствуя, как силы возвращаются в тело. Усталость последних дней сменялась лёгким, почти невесомым ощущением. Когда солнце почти окончательно скрылось за горизонтом, окрасив небо в глубокие, бархатистые оттенки фиолета и индиго, и на небе появились первые, робкие звёзды, раздался тихий, но настойчивый стук в дверь. Мне не нужно было гадать, кто пришёл. Эрина всегда была пунктуальна, особенно когда дело касалось совместного досуга.

Принцесса переступила порог моей спальни, тут же кидаясь ко мне с размашистыми движениями, взмахивая длинными, тяжёлыми рукавами своего вечернего платья из изумрудного шёлка. Её лицо было бледным от усталости, но в глазах светилась искренняя радость, которую я так любила.

– Как хорошо, что тебе стало легче! – она крепко обняла меня, прижимая к себе, и я почувствовала запах дорогого масла и чего-то свежего, лесного. – Я весь вечер не находила себе места, прослушала половину знакомства с послами, потому что всё думала о тебе и твоём обмороке. Как ты себя чувствуешь?

– Теперь, когда ты здесь, намного лучше, – честно при-

зналась я, ощущая, как её присутствие рассеивает последние остатки тревоги. – Но точно отметила потенциальных женихов? Ты же не могла пропустить парад лордов и принцев?

– Ах ты... – сощурившись и театрально грозя мне пальцем, подруга, наконец, отпустила меня и упала на софу, стоящую у входа в комнату, элегантно расправляя складки своего платья. Её усталость была очевидна, но в глазах блеснул озорной огонёк, говорящий о том, что она готова к развлечениям.

Посмеявшись, я потянулась к ящику комода, доставая потрёпанную, но любимую колоду карт для "Червоточины" – нашей любимой с Сейфи игры, требующей изрядной доли блефа и хитрости. Колода была старая, с выцветшими изображениями фейри из разных дворов, и приносила нам неизменную удачу, когда мы играли вместе.

Буквально через секунду, словно по сигналу, раздался новый, более тихий стук в дверь, который я узнала сразу. Услышав моё разрешение войти, Сейфи прошёл внутрь, неся на подносе спелый, тёмный виноград, сочные персики и несколько блестящих, красных яблок – всё, что могло успокоить нервы после сложного дня.

– Лима, я... – он обратился ко мне, используя моё имя, как всегда делал, когда мы были наедине, но тут же заметив краем глаза, что мы в комнате не одни, он осёкся, опасаясь сказать что-то ещё. Его глаза расширились, когда он осознал, что в присутствии Принцессы его фамильярное обращение

могло быть приравнено к дерзости, и за такой проступок его могли лишить языка или, что хуже, отправить на плаху. В его взгляде читался чистый, животный ужас.

В комнате воцарилась напряжённая тишина, в которой слышалось только наше дыхание и далёкий скрип Древа. Эрина с интересом рассматривала его, и этот взгляд был отстранённым, оценивающим, словно она рассматривала не человека, а новый предмет мебели, который ей только что поставили. Сейфи стоял, обливаясь холодным потом, его спина напряглась, словно он ждал удара. Я чувствовала, как сильно он нервничает, и это злило меня.

Эрина, наконец, нарушила тишину, и её голос был величественным, но не лишённым снисходительности, которую она всегда проявляла к низшим сословиям.

– Не бойся, – она махнула рукой, словно отгоняя назойливую муху, но адресовано это было скорее мне, нежели Сейфи. – Если Лима разрешила звать её по имени, я не против, но в следующий раз смотри по сторонам, прежде, чем фамильярничать. Помни, где ты находишься, и с кем говоришь.

Будто освободившись от оков смерти, юноша поспешно и низко поклонился, его голова чуть ли не коснулась пола, а рыжие волосы скрыли его лицо. Он был слишком напуган, чтобы даже поднять глаза на неё.

– Благодарю за ваше великодушие, Ваше Высочество, – прошептал он, и его голос дрогнул от напряжения. Он выглядел так жалко в этот момент, и моё сердце сжалось от

обиды за него, но я не могла ничего сказать, не усугубив его положение.

– Он всегда такой душка? – улыбнувшись мне, Эрина хлопала по подушке рядом с собой, призывая меня сесть на софу вместе с картами. Она говорила о Сейфи так, словно его и не существовало, словно он был просто предметом декора в моей спальне.

– Ага, ещё какой, – я попыталась придать своему голосу лёгкость, хотя внутри кипела от её высокомерия. Я бросила на Сейфи ободряющий взгляд, умоляя его не обращать внимания на её снисходительность. – Не стоит так низко кланяться, Сейфи, Принцесса не любит излишних церемоний.

Эрина ухмыльнулась, оценив мой тонкий намёк. Она, кажется, поняла, что я заступаюсь за него, и это её слегка позабавило. Она повернулась к Сейфи, который всё ещё стоял, сжавшись в комок.

– Играть будешь? – спросила она, кивнув на карты, которые я держала в руках. – О, бросьте, Лима всё равно бы меня попросила, верно? Он же твой... личный слуга. Развлекать – это его работа. Я же вижу, как ты его любишь. В конце концов, нам не помешает дополнительный игрок, чтобы разбавить скуку.

– Ха-ха, ты права, он умеет, – подтвердила я, чувствуя, как напряжение медленно уходит из комнаты, хотя её слова о "любви" и "разбавлении скуки" были полны её обычного, королевского пренебрежения, словно она говорила о зве-

рушке. Я решила игнорировать намёк и сосредоточиться на том, что нас будет трое, - А вот ты в нашу игру - нет.

– Ставь поднос на пол и садись с нами, мальчик. Но если кто-то войдёт – выбрасывай карты в Лиму и стой смирно, – Принцесса, совершенно не свойственно для королевской особы, показала мне язык, тут же демонстрируя, что она готова нарушить протокол ради игры, но только если это не угрожает её статусу. Эта двойственность всегда была в её характере, и я привыкла к ней.

Сейфи, который, кажется, был искренне удивлён таким приглашением, неловко поставил поднос на пушистый ковёр, его движения были осторожными и неуверенными, словно он боялся разрушить магию момента. Он быстро сел на пол, скрестив ноги, стараясь держаться немного в стороне от софы, чтобы соблюсти хоть какую-то социальную дистанцию. Я кинула ему колоду, и он тут же принялся её тасовать, его руки, наконец, нашли привычную работу. На его лице, хоть и не полностью, но исчезла тень страха, сменившись лёгкой, почти незаметной улыбкой. Он был здесь, и это было всё, что имело значение. Сейчас мы были просто друзьями, готовыми к игре, и мне было плевать на титулы и запреты.

Мы втроём расселись вокруг низкого резного столика, который Сейфи ловко придвинул к софе, чтобы Эрине было удобно играть, не покидая своего королевского места. Я и принцесса оставались на мягком шёлке дивана, а Сейфи сидел на густом ковре, используя в качестве подлокотников при-

несённые им подушки. Это было наше негласное правило – сохранять видимость иерархии, чтобы никто не смог обвинить Эрину в излишней фамильярности или, не дай Сфера, в неуважении к своему титулу, ведь игра со смертным была уже сама по себе серьёзным нарушением этикета. Впрочем, этот жест был чистой воды формальностью, потому что как только Сейфи начинал тасовать карты, всякая разница между нами стиралась, и оставалось лишь азартное предвкушение предстоящей игры.

– Итак, «Червоточина», – объявила я, беря колоду из рук друга и быстро перетасовывая её ещё раз, наслаждаясь шелестом карт. – Объясни правила, Китти, Принцессе. Она ещё не знакома с вашей... хитрой, человеческой игрой.

– О, с удовольствием, – Сейфи, едва уловимо улыбнувшись, тут же принял роль мастера церемоний, что позволило ему отвлечься от нервозности и на время забыть о своём рабском статусе. Он, очевидно, чувствовал себя куда комфортнее, объясняя правила, чем просто сидя в молчании. – «Червоточина» – это игра блефа, удачи и, главное, знания человеческой жадности. В мире фейри, где сила течёт по венам и известна с рождения, она не популярна, но здесь, в городе, она – целое искусство.

Эрина, откинувшись на спинку софы, с любопытством смотрела, как Сейфи объясняет расклад. Её лицо выражало смесь королевского высокомерия и искреннего интереса – она всегда любила интеллектуальные вызовы, даже если они

исходили от низших, по её мнению, рас.

– Колода состоит из тридцати шести карт, каждая из которых имеет «Очки Магической Силы» от одного до девяти. – Сейфи говорил чётко, словно давал урок, стараясь максимально быть похожим на придворного учителя, – Каждому игроку раздаётся по три карты. Цель – по итогу игры иметь наименьшее количество очков. Но самое интересное – это, собственно, сама Червоточина, одна карта с отметкой в двенадцать очков, которая почти гарантирует поражение, если её не сбросить, или, что ещё хуже, не вынудить противника её забрать.

– Звучит слишком просто, – фыркнула Эрина, её тон давал понять, что она не верит в сложность "человеческих" забав. – Где же подвох?

– Подвох в обменах и блефе, Ваше Высочество, – я усмехнулась, предвкушая игру. – Каждый ход ты можешь либо взять верхнюю карту из колоды, либо «Объявить Обмен» и заставить одного из противников обменяться с тобой картами вслепую. Если он отказывается – он должен открыть одну из своих карт, но если он соглашается, то обмен происходит, и ты, возможно, избавишься от «Червоточины». Всё зависит от того, насколько убедительно ты сможешь соврать о своей силе, не имея магии, чтобы поддержать блеф.

Это была игра о чистом, неприкрытом мошенничестве, и в этом заключалась её прелесть. Сейфи, как человек, не обладающий магией, был в ней гением, потому что ему прихо-

дилось полагаться только на мимику и интонацию. Я тоже была неплоха в блефе, потому что моя магия была настолько непредсказуемой, что даже я не всегда знала, как она работает. Это делало мои блефы почти правдивыми.

– Иначе говоря, игра для лжецов, – подвела итог Эрина, невольно улыбаясь. Она взяла свою первую руку, её тонкие пальцы сжимали карты с изяществом. – Что ж, это будет интересно. Я сыграю, Лима, только ради тебя, и только потому, что твоё лицо, когда ты блефуешь, всегда достойно самого искусного художника.

Это был её способ показать, что, несмотря на всю свою высокомерную браваду, она здесь из-за нашей дружбы. Ей было глубоко противно играть в карты со смертным рабом, но она ценила моё расположение куда больше, чем общественное мнение двора о её досуге.

– Если ты проиграешь мне, Киттен, тебе придётся пообещать, что ты научишь меня этой вашей человеческой хитрости, – добавила она, бросая вызов Сейфи, но в её глазах не было злобы, лишь чистый соревновательный дух.

– Это будет величайшей честью, Ваше Высочество, – Сейфи поклонился, принимая вызов, и на его лице впервые за вечер появилась та дерзкая, немного насмешливая улыбка, которую я так любила.

Мы начали. Воцарилась тишина, нарушаемая только тихим шелестом карт и хрустом винограда, который Эрина, как и я, брала с подноса. Сейфи играл осторожно и расчётливо,

как и всегда. Его первая рука была ужасна – две девятки и восьмёрка, что давало ему двадцать шесть очков. Он знал, что должен быстро избавиться хотя бы от одной девятки, но не показывал своей тревоги, его лицо было спокойным, как гладь озера в безветренный день. Он изображал полное превосходство, откинувшись на подушки и демонстративно жуя персик, словно только что выиграл свободу. Наблюдать за ним было лучшей частью игры.

Я, напротив, играла хаотично, что полностью соответствовало моей натуре. Моя первая рука состояла из четвёрки, пятёрки и «Червоточины» – те самые двенадцать очков, которые нужно было сбросить немедленно. Я не стала тянуть и объявила обмен с Эриной.

– Обмен, Ваше Высочество, – сказала я, и мой голос был как можно более небрежным, словно я просто проверяла её на прочность. – Я чувствую, что вам очень нужна моя карта.

Эрина тут же нахмурилась. Она знала, что я блефую, но не могла быть уверена, насколько плохи мои карты. Если она откажется, она должна будет показать одну из карт, и это даст мне преимущество в информации. Если согласится – рискует получить «Червоточину». Она колебалась, а я сидела, стараясь не выдать своей паники, и в этот момент мне помогал мой собственный внутренний хаос, который заставлял моё лицо выглядеть отстранённым и слегка безумным. Я просто представляла, как мой неуправляемый жизненный поток магии ударяет ей в лицо, и это помогало мне сосредоточиться

на блефе.

– Хорошо, – наконец, решилась Эрина, её глаза сверкнули, а в голосе проскользнуло раздражение. Она всегда ненавидела, когда ей приходилось играть вслепую. – Принимаю. Но если ты мне подсунула эту проклятую «Червоточину», Лима, я заставлю тебя переписать конспект по резонансу.

Обмен состоялся. Я с облегчением выдохнула, чувствуя, как ненавистные двенадцать очков уходят к Эрине, а мне достаётся её шестёрка. Теперь мой счёт – пятнадцать очков. Всё ещё плохо, но не смертельно. На лице Эрины же, когда она увидела полученную карту, проскользнула такая мгновенная, почти невидимая тень ярости, что мы с Сейфи чуть не расхохотались в голос. Это было бесценно.

– Кажется, мне нужна свежая трава для концентрации, – пробормотала Принцесса, театрально закатывая глаза, и Сейфи понял, что она только что схватила «Червоточину».

Сейфи, воспользовавшись моментом, когда Эрина была отвлечена своим проигрышем, быстро сбросил свою девятку, взяв новую карту из колоды, которая оказалась тройкой. Теперь его счёт составлял двадцать очков, и он был в лучшем положении, чем мы обе. Он выглядел довольным, но не слишком, чтобы не привлечь внимания Эрины, которая уже готовилась к контратаке. Так прошёл почти час, наполненный смехом, фальшивыми стонами отчаяния и мастерскими блефами, которыми Сейфи и я обменивались, иногда объединяясь против принцессы, что было самым весёлым.

– Лима, – Принцесса положила карты на стол, её тон стал неожиданно серьёзным, и я почувствовала, как моё сердце сжалось от внезапной тревоги. – Ты сегодня чересчур... дерзкая.

– Возможно, – я пожала плечами, стараясь выглядеть легкомысленно. – Но, по крайней мере, я не такая предсказуемая, как ты.

Сейфи, чтобы разрядить обстановку, тут же бросил ей карту, которую он только что взял, и это оказалась та самая «Червоточина», которую он умудрился вытащить из колоды. Мы все трое вскрикнули от смеха, потому что это было настолько нелепо, что уже не вызывало злости.

Партия, в которой Эрина, конечно же, проиграла, закончилась моей победой, которую я объяснила чистой удачей и отменной помощью Сейфи. Мы съели оставшиеся фрукты, наслаждаясь тишиной, которая вновь опустилась на комнату, теперь наполненная дружеским теплом, а не напряжением. Пришло время заканчивать. Звёзды уже высоко сияли в чёрном небе за окном, и скоро в коридорах начнут курсировать ночные патрули, которые не потерпят присутствия смертного раба в покоях придворной дамы так поздно.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала Эрина, поднимаясь с софы и элегантно поправляя складки платья. В ней вновь проснулась принцесса, осознавшая своё положение и обязанность соблюдать этикет. – Уже поздно. И, Лима, я не забуду, что ты мне должна.

– Конечно, Эрина, – я улыбнулась ей. – Спасибо за игру. Ты была великолепно, даже несмотря на то, что проиграла.

Она фыркнула, но в её глазах была нежность. Эрина подошла ко мне, обняла на прощание, а затем, кивнув Сейфи, который уже собирал карты и аккуратно складывал их в колоду, вышла из комнаты. Мы ждали, пока звук её шагов полностью исчезнет за дверью.

– Спасибо, что развлёк нас.

– Рад был служить, Леди, – Сейфи, наконец, поднял на меня свои синие глаза, и в них не было и намёка на смирение. – И рад был поиграть. Она, конечно, высокомерна, но не так уж плоха. По крайней мере, не пыталась меня убить за то, что я её обыграл.

– Она пыталась, поверь, – я хихикнула. – Но ты - мой друг, она не могла так поступить, разве что из ревности. А теперь иди спать. Тебе ещё завтра весь день таскать для меня еду.

Сейфи кивнул, его рыжие волосы упали на лоб. Он быстро собрал поднос и, поклонившись, вышел из комнаты. Я осталась одна в тишине. После такого вечера, я не могла не верить Сейфи и Эрине, хотя бы в рамках этой дружбы. И эта вера давала мне сил, чтобы встретить утро.

Глава 5

Наступившее утро принесло с собой не желанный покой, а лишь глубокое, тягучее переутомление, которое оседало в мышцах тяжелой свинцовой усталостью. Даже после относительно раннего отбоя и весёлого, отвлекающего вечера с Эриной и Сейфи, я чувствовала себя так, словно всю ночь таскала камни, а не наслаждалась партией в «Червоточину». Приступы, вызванные магическим истощением, всегда отзывались в теле именно так, делая каждое движение неестественно медленным и требующим огромного усилия воли.

Проснувшись задолго до полудня, я с трудом заставила себя встать с постели.

Завтрак, который Сейфи, вероятно, принёс с первыми лучами солнца, уже успел слегка заветриться на резном столике. Я не любила холодную еду, но аппетит всё же взял своё. Перекусив спелыми, сочными яблоками и небольшим кусочком ароматного сыра, запив всё это остывшим травяным чаем, я, наконец, почувствовала себя достаточно прилично, чтобы заняться собой. Мне нужно было привести себя в порядок.

Я села у туалетного столика, который был сделан из отполированной, перламутровой коры. Мои белые, почти серебряные волосы были растрёпаны. Расчёсывание всегда было

моим личным ритуалом, моментом тишины, когда я могла на время запереть все мысли в клетке и просто сосредоточиться на простом физическом действии, наслаждаясь шелковистостью прядей, скользящих между пальцами. Это был единственный момент, когда мир, казалось, был под контролем. Иногда я представляла, как сижу перед зеркалом, а мама расчёсывает мои пряди деревянным гребнем... В такие секунды тоска по ней была острее всего.

Когда я уже почти закончила, раздался тихий, почти неразличимый стук в дверь. Это не был стук придворной дамы или высокопоставленного фейри; это был осторожный, почти извиняющийся звук, характерный для слуг, не желающих привлечь лишнего внимания.

– Леди? – на пороге, едва приоткрыв дверь и осторожно просунув голову в проём, появился Сейфи. Его рыжие как осенняя листва волосы были непривычно взлохмачены, а синие глаза, обычно полные насмешливого веселья, были немного обеспокоены, в них читалась какая-то странная нервозность, которой я никогда прежде не видела. Его лицо выражало нечто среднее между страхом и глубоким замешательством, и это мгновенно передалось мне.

Я тут же отложила гребень, и все мои мысли о спокойствии улетучились, словно дым. Сейфи никогда не позволял себе выглядеть так неуверенно, особенно после того, как ему было позволено свободно перемещаться по моим покоям, выполняя поручения. Я чувствовала, как напряжение, кото-

рое я так старательно сдерживала последние дни, вновь начинает заполнять меня.

– Что такое? – я повернулась к нему всем телом, стараясь говорить спокойно, хотя в голосе моём уже звенела нотка тревоги. – Что-то случилось?

Сейфи быстро огляделся по сторонам, словно ожидая, что за его спиной может появиться лорд Серл или сам Принц Аден, который мог бы наказать его за этот его нервный вид. Он встал у прохода, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь подойти ближе. Это было нехарактерно для него; обычно он держался увереннее, даже перед Принцессой.

– Ваш отец желает вас видеть как можно скорее, Леди, – произнёс он, стараясь, чтобы его голос звучал нейтрально, но интонация всё равно выдавала его внутреннее беспокойство. – Он... он попросил передать, что это срочно, и что вы должны быть у него немедленно.

«Срочно». Это слово, произнесенное Сейфи, словно впилося в моё нутро.

Я сдвинула брови, чувствуя, как в желудке шевелится холодный комок. Отец редко требовал моего присутствия с такой настойчивостью, особенно в те дни, когда мне было предписано восстанавливаться после магического приступа. Что могло быть настолько важным, что он не мог дожидаться нашего обычного утреннего наставления?

– Зайди, – я жестом указала ему на стул у двери, хотя он не рискнул сесть, оставаясь стоять, напряжённый, как стру-

на, но дверь покорно прикрыл. Я нагнулась вперёд, понижая голос, чтобы даже стены Чар-Древа не смогли подслушать наш разговор. – Сейфи, скажи мне честно. Что случилось? Ты видел его? Что с ним не так? Он вчера был... странным, и не пришёл на завтрак. Мне это не нравится.

Он колебался, его голубые глаза метались между мной и дверью. Было видно, что он борется с желанием рассказать мне что-то или умолчать, чтобы не втягивать меня в дворцовые интриги, которые, как он знал, могли стоить ему головы. Но наша дружба всегда побеждала его инстинкт самосохранения, и я знала, что он не сможет долго скрывать от меня правду, пусть даже и смягчённую.

– Ничего особенного, Лима, – он всё же выбрал путь уклончивости, но его поза говорила об обратном. Мальчишка нервно одёрнул рукав своего камзола, его плечи были напряжены. – Просто он сегодня... немного не в духе. Более нервный, чем обычно. Когда я докладывал ему о том, что вы ещё спите, он выглядел... встревоженным. Словно ждал чего-то плохого. Он даже не посмотрел на меня, когда отдавал поручение, и это, согласитесь, настораживает. Ваш отец всегда внимателен к тем, кто ему служит.

Я знала, что Сейфи говорит правду, по крайней мере, ту часть правды, которую он мог себе позволить озвучить. Нервозность отца была очевидна ещё до моего приступа, и даже его странное, загадочное признание о моей матери и её происхождении из Двора Молний не смогло полностью успоко-

ить меня. Я чувствовала, что за внешней траурной суетой и подготовкой к приёму послов кроется что-то гораздо более зловещее, что-то, что напрямую касается моего отца и, возможно, меня саму. Привкус тревожного узора ускользал от меня, подмахивая хвостом, но угнаться за ним я никак не могла.

– Хорошо, я поняла тебя, – я кивнула, принимая его неполный ответ. – Спасибо, Сейфи. Иди. Я сейчас же оденусь и пойду к нему. И, пожалуйста, если кто-то спросит, куда я направилась, скажи, что я иду на встречу с Эриной, готовиться к её уроку.

Он поклонился, поспешно ища спасения от тяжёлой атмосферы, которую принёс с собой. Только когда дверь за ним бесшумно закрылась, я позволила себе расслабиться, и тут же принялась действовать. Время было дорого.

Я встала, подошла к комоду и, не теряя времени на сложное придворное облачение, выбрала длинное платье цвета обсидиана. Я надела его быстро, почти механически, стягивая корсет на талии. Мой взор упал на гребень, лежащий на столике.

Сложная причёска отнимет слишком много времени.

Вместо этого я быстро, но крепко заплела пышную косу, которая спускалась почти до пояса, скрепив её серебряной заколкой. Коса не только была практична, но и позволяла мне чувствовать себя собранной, готовой к борьбе. Мне нужно было предстать перед отцом не как напуганная девушка,

а как его дочь – сильная и готовая слушать, что бы он ни собирался мне сообщить.

Я критически оглядела себя в зеркале: платье сидело идеально, коса была строгой, а фиолетовые глаза выражали решимость. Мне нужна была его мудрость. Мне нужно было его знание. Отец был не просто Верховным Советником; он был провидцем, человеком, который всегда видел на несколько шагов вперёд, и если он нервничал, значит, приближалась настоящая буря. Я должна была узнать, как мне подготовиться к ней.

Наконец, я поспешила к двери.

Выйдя в коридор, я почувствовала, как моё тело подстёгнутое адреналином, реагирует на необходимость спешки. Двор Жизни в это время был погружён в тишину, прерываемую лишь далёким гулом голосов слуг и редким топотом сапог стражников, патрулирующих верхние ярусы. Я старалась идти быстро, но сохранять достоинство, чтобы не привлекать лишнего внимания и не подтвердить слухи о моей недавней слабости, которые, я была уверена, уже начали распространяться по дворцу.

Коридоры нашего крыла, отделанные золотистой корой, тянулись бесконечно.

Каждый шаг приближал меня к отцовскому кабинету, который находился в самом сердце этого крыла, рядом с библиотекой. Я надеялась, что чувство безопасности, которое мне внушала его обитель, не было ложным.

Мне вспомнились его слова: "Знание – это невидимый щит, который всегда с тобой".

Я шла за этим щитом. За его наставлением. За той уверенностью, которую мог дать мне только он.

Я свернула за последний поворот.

Наконец, я увидела знакомые двери, инкрустированные перламутром и бронзой. Двое фейри-гвардейцев, как и положено, стояли у входа, неся свою службу с безупречной, хотя и передающей невыносимую скуку, бдительностью. Я подошла к ним, стараясь, чтобы моё лицо выражало уверенность и полное право быть здесь. Встреча с отцом, пусть и срочная, была частью моего обычного расписания.

– Доложите Верховному Советнику Лотторену, что его дочь, Леди Лима, прибыла по его просьбе, – сказала я, мой голос был ровным и властным.

Один из гвардейцев, высокий фейри с тёмными волосами, тут же кивнул и постучал в дверь, ожидая разрешения. Я стояла, глубоко вдыхая, готовясь к тому, что меня ждёт. Наконец, раздался глухой, но твёрдый голос отца, разрешающий войти. Гвардеец распахнул дверь, и я вошла в кабинет. Внутри царил полумрак, несмотря на полуденное солнце, которое пыталось пробиться сквозь густую листву Древа в единственное открытое окно.

Папа сидел за столом, склонившись над бумагами и что-то усиленно писал, даже не подняв на меня взгляд. Утреннее наставление, за которым я приходила с рассветом каждого

дня, было отложено, и я поняла, что сегодня нас ждёт совсем другой разговор. Я тихо закрыла за собой дверь и, не смея нарушать тишину, двинулась к знакомому креслу в углу, готовая ждать. Я была здесь, чтобы слушать и, если понадобится, действовать.

Дёрганные движения отца заставляли нервничать и меня саму, хотя я и старалась убедить себя, что это лишь отголоски тяжелого траура и его невероятной загруженности.

Его статная фигура двигалась с непривычной, отрывистой скоростью, не свойственной его обычному, размеренному темпу, и это вызывало у меня глубокое беспокойство, которое я пыталась заглушить, вспоминая слова отца о моей силе и необходимости восстановления, убеждая себя, что ему просто тяжело справляться со стрессом в одиночку.

Я видела, как плотно он сжимал губы, пока выводил каллиграфические строки, а его пальцы мелко подрагивали, стоило какому-то звуку, даже самому слабому, раздаться за пределами толстых стен кабинета.

Он постоянно бросал взгляд на дверь.

Я списала его нервозность на гнетущую атмосферу последних дней и невыносимый груз работы, свалившийся на него после смерти Королевы Илиазы, полагая, что политические интриги и перестановки просто высасывают из него все силы, даже те магические резервы, что обычно делали его невозмутимым, но это не объясняло его странную, почти лихорадочную поспешность.

И вот, наконец, всё.

Закрыв последнюю шкатулку с сургучом, он выпрямился, слегка размяв шею, и жестом руки подозвал меня к себе, приглашая выйти из тени, и я тут же почувствовала прилив адреналина, понимая, что сейчас начнётся главный разговор.

Я подошла ближе, чувствуя, как моё сердце сжимается от предчувствия чего-то важного, и встала рядом с массивным столом, когда он развернулся ко мне всем телом. Юстейл Лотторен положил руку на толстый, тщательно запечатанный конверт, который он закончил всего пять минут назад, и придвинул его ко мне. На поверхности красивым почерком, которым он выводил все государственные бумаги, было выведено имя, которое я знала, но редко произносила вслух: Ирнет Вайстел.

– У меня будет к тебе поручение сегодня, – его голос звучал как всегда твёрдо, не терпяще возражений, но в нём проскользнула едва заметная, неестественная хрипотца. – Это письмо необходимо отправить маме сегодня же.

Я недоумённо хлопнула глазами, моё замешательство было искренним, ведь мы строго придерживались установленного графика. Обычно мы отсылали ей послание и деньги на содержание лишь раз в месяц, в канун полнолуния, а с момента отправки прошлого письма прошло не больше двух недель.

– Сегодня? Почему так рано?

Отец недовольно дёрнул щекой, как он всегда делал, когда

я задавала ненужные, по его мнению, вопросы, и я тут же прикусила губу, понимая, что его придворная сдержанность не потерпит лишнего любопытства, даже от меня. Особенно сейчас.

– Я всё объясню позже. Совет дня – никому не доверяй.

Я постаралась улыбнуться, будто поддевая его, вспоминая, как он говорил это же всего несколько дней назад, но серьёзность в его аметистовых глазах, полная неприкрытой тревоги, заставила уголки моих губ напряжённо замереть, а улыбку – померкнуть. Он не шутил.

– Пап, этот совет уже был не так давно.

Тёплая рука коснулась моих ладоней, обхватывая их, и это ощущение было таким внезапным и нежным, что я почти забыла о гнетущей атмосфере.

Костяшки моих пальцев нежно щекотнули белоснежные усы, когда он склонился.

Он оставил быстрый, но очень нежный поцелуй на моих руках, и я почувствовала, как тепло разливается по моему телу, сгоняя прочь тревогу. Папа снова заглянул в мои глаза, и в этот раз его взгляд был полон той глубокой, почти болезненной любви, которую он раньше не показывал, словно прощался и хотел вложить в меня всю свою заботу за один миг.

– Мой маленький ядовитый цветочек, доверять нельзя никому кроме себя, запомни это, – прошептал он, и в его голосе слышалась необычная, почти отчаянная настойчивость, ко-

торая заставила моё сердце ёкнуть.

Мурашки пробежали по моей спине, хотя я и старалась принять это как очередное наставление о придворных интригах, ведь в нашем Дворе сплетни и предательства были обыденностью.

– Никому кроме себя и тебя, – я нежно сжала в ответ его ладони, пытаясь успокоить его и показать свою привязанность, убеждая его в нашей связи.

– В некоторых моментах даже мне, – его слова прозвучали, как удар колокола в тишине. Холодная дрожь пробежала по спине, и я почувствовала, как моё раннее подозрение вновь зашевелилось, но я тут же отмела эту мысль как абсурдную. Он не мог желать мне зла.

Он чуть отстранился, его лицо снова приняло привычное, сдержанное выражение советника. Его сосредоточенность вернулась, и он приступил к делу, словно торопясь закончить, пока ему не помешали. Он был прагматичен даже в моменты такой эмоциональной близости, и я чувствовала, что его действия продуманы до мелочей, что только усилило моё замешательство, но заставило подчиниться без лишних вопросов, как он и хотел.

– Тебе нужно отправить письмо сегодня до полудня. Это срочно, – произнёс он, его глаза внимательно следили за моей реакцией, словно проверяя, насколько я готова к выполнению задачи. Я уже собралась взять конверт, но он остановил меня, подняв руку.

– Но это не всё, – добавил он, и его тон стал ещё тише, почти заговорщицким. – У меня есть второе поручение, которое должно быть выполнено непогрешимо, – Из кучки других конвертов, лежащих на краю стола, он взял самый верхний и положил рядом. Этот был гораздо тоньше первого, и на нём не было написано никакого адресата. – Этот конверт ты должна будешь отправить чуть позже. Ты должна сначала пройтись по базару, убедившись, что за тобой нет хвоста, и только потом выбрать себе что-нибудь красивое у продавцов украшений в "Серебряной лавке", и там отдать этот конверт владельцу. Ты поняла? Повтори.

Мои мысли завертелись, но я тут же собралась, понимая важность момента и всю сложность логистики, которую он выстроил для обхода цензуры, демонстрируя, что только мне он мог доверить такую деликатную миссию.

– Отправить толстый конверт маме, – начала я, чётко проговаривая каждое слово, но так, чтобы стража за дверьми ничего не услышала, – Пройтись по базару, убедиться, что за мной не следят, выбрать себе что-то красивое в "Серебряной лавке", и затем отдать тонкий конверт продавцу Киору.

Он кивнул, на его лице промелькнуло мимолётное облегчение.

– Правильно. Теперь иди, Лима. Чем раньше ты это сделаешь, тем лучше.

Я взяла оба конверта, крепко сжимая их в руках.

Большой, толстый конверт с деньгами, предназначенный

для моей матери, которую я не видела чуть больше столетия, я спрятала в карман платья.

А тонкий, безымянный пергамент, который должен был быть передан Киору, владельцу лавки, я осторожно засунула во внутренний карман корсета, который пришила сама после первого подобного, хотя и менее срочного, поручения, зная, что это единственное место, куда не сунется ни один придворный.

Ни для кого в Дворе не было секретом, что вся исходящая корреспонденция, особенно от придворных, регулярно проверялась, поэтому отец часто прибегал к таким хитростям, чтобы обойти королевскую цензуру и передать послание по своему тайному каналу связи, и мне нравилось быть частью этого секрета.

– Пап? Ты в порядке?

Он поднял глаза.

Его обычно идеальная осанка была чуть расслаблена, выдавая внутреннюю борьбу, и мне стало его по-настоящему жаль, ведь он выглядел так, словно не спал несколько ночей подряд.

– Да, цветочек, – ответил он, его голос был теперь мягче, но не совсем убедительным. – Просто после похорон королевы много дел и проблем образовалось, знаешь, придворные перестановки. Вот и нервничаю немного. Политическая суматоха, вот и всё.

Его объяснение звучало логично, и я приняла его слова,

как принимала всегда, убежденная, что его тревога вызвана лишь заботой о нашем общем благе и стремлением обеспечить процветание Двора.

– Хорошо. Я пошла.

Поцеловав отца в щёку, я ощутила лёгкий, влажный холод его кожи, что тоже показалось мне необычным, но я списала это на утренний полумрак и усталость. Я вышла из кабинета, плотно притворив за собой тяжелую, резную дверь, намереваясь быстро выполнить поручение, чтобы облегчить его бремя, и как можно скорее вернуться к своим ежедневным делам и учёбе, чувствуя себя немного лучше после его эмоциональной поддержки и уверенности в моей исключительности.

Покидая наше с папой крыло, я двигалась максимально быстро, почти бегом, не замечая ничего вокруг, кроме смутной тревоги, которая нарастала с каждым шагом. Я крепко сжимала рукой карман, где покоился толстый конверт для матери, и чувствовала, как тонкий, безымянный пергамент самую малость натирает кожу на груди, напоминая о важности второго поручения. Мне нужно было скорее выбраться из верхних этажей Древа, где воздух всегда казался спертым и контролируемым, и достичь почтовой станции, расположенной в главном стволе. Чем быстрее я выполню первую часть плана, тем скорее смогу приступить ко второй, которая требовала особой осторожности. Мои фиолетовые глаза внимательно сканировали каждый поворот коридора, ожи-

дая подвоха, но подвох, как это часто бывает, подждал меня там, где я меньше всего его ждала. Я наткнулась на кого-то за поворотом, сердце едва не выпрыгнуло из груди.

Подняв глаза, на секунду захотелось скривиться от омерзения, но я сумела совладать со своим выражением лица, натянув маску вежливой, хотя и несколько поспешной, придворной леди. Передо мной, вальяжно опираясь о стену коридора, стоял Принц Аден. Его жёлтые, как ядра орехов, глаза насмешливо изучали меня, а на губах играла та самая, слишком довольная, слишком хищная улыбка, от которой у меня всегда мурашки бежали по загривку. Он выглядел как всегда безупречно: тонкие линии вышивки на его камзоле идеально подчеркивали атлетическую фигуру, но вся его красота была испорчена внутренней гнилью, которую я чувствовала за версту.

– Ли-има, – шипящий, словно змеиный, голос резанул по ушам, – Куда ты так спешишь, что даже не заметила меня? Моя драгоценная мышка, ты выглядишь взволнованной. Неужели в нашей части Древа водятся призраки?

Я быстро присела в глубоком реверансе, стараясь, чтобы мой взгляд не поднялся выше его тщательно отполированных ботинок. Этого требовал от меня придворный этикет, но внутри меня всё кричало от протеста. Покорность, которую я изображала, была тонкой вуалью, скрывающей кипящую ненависть. Я слишком хорошо знала, что его улыбка – это обещание боли и контроля, и я не собиралась давать ему ни

малейшего повода, чтобы он усомнился в моей покорности, пока я не смогу выйти из определённых договорённостей.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, хотела выйти в город, – я старалась говорить ровно и без запинки, словно заученную фразу, – Я опаздываю на встречу с управляющим, касательно некоторых хозяйственных дел.

Лгать ему было неприятно, но необходимо. Он не был похож на кого-то из детских сказок, за которого мечтала бы выйти любая маленькая девочка. Для малознакомых леди — вероятно, он и вызывал такое желание, ведь быть галантным и вежливым он прекрасно умел. Однако, как и любое существо, в руках которого есть хоть крупица власти, – у него была и извращённая сторона, которую я видела слишком часто и слишком близко.

До определённого возраста я не понимала, чем обусловлено его хорошее отношение ко мне, и принимала всё за милую симпатию и дружбу, однако с возрастом я осознала, что его взгляд наполнен более тёмными желаниями и одержимостью, которая заставляла липкие и неприятные мурашки обнимать меня крепче. Наверное, не будь я дочерью верховного советника, никакая отсрочка брака не была бы возможна. Между мной и отцом, однако, принц Аден симпатией не пользовался от слова совсем, и отец говорил, что всеми возможными способами сделает так, чтобы я не стала членом королевской семьи.

– Тебе нужно сопровождение? – маслянистый взгляд

скользнул по мне, задерживаясь на линии корсета, и я почувствовала, как моё лицо вспыхивает от гнева, – Я тоже хотел прогуляться.

Я глубоко вдохнула, досчитывая до трех, чтобы не совершить необдуманных поступков и не сказать лишнего. Его настойчивость всегда была граничащей с непристойностью.

– И почему ты перестала звать меня по имени? – продолжил он, сделав шаг ближе, и мне пришлось напрячь все мышцы, чтобы не отшатнуться, – Когда мы были младше и вместе играли, это было мило. Теперь же ты такая отстраненная, Лима. Даже взгляд твой стал холоднее.

Это не его дело.

– Боюсь, я не смею более звать вас по имени, Ваше Высочество, – я подняла взгляд, и, хотя постаралась изобразить почтение, в моих глазах, несомненно, горел холод, – Этикет не позволяет столь фамильярного обращения к члену королевской семьи. И сопровождение мне не нужно, я хотела побыть одна. Мне нужно сосредоточиться на делах. И уроках, которые сегодня назначил отец.

Я сделала акцент на "делах", намекая, что у меня нет времени на его дурацкие игры, и надеюсь, что упоминание Юстейла охладит его пыл, несмотря на откровенную ложь. Но Аден, казалось, был только раззадорен моим сопротивлением. Ему нравилось ломать волю, и я чувствовала, как он наслаждается этой маленькой, подлой игрой.

– Но к Эрине ты продолжаешь обращаться как к подруге,

– в его голосе проскользнула едва заметная нотка ревности, которая показалась мне нелепой, но я тут же взяла ее на вооружение. – Если дело в этикете, то почему для неё ты делаешь исключение?

Его братская ревность к моей дружбе с принцессой всегда была странным элементом в его поведении, но сейчас она была мне на руку. Его навязчивость вызывала раздражение. Я понимала, что единственный способ отбить его атаки — это ударить фактом, который он сам ввёл в нашу жизнь, и которым безмерно был доволен, честно говоря, я была зла. Мне пришлось вытолкнуть эти слова из горла почти насильно, стараясь скрыть всю неприязнь к этому статусу, который отец так отчаянно пытался отсрочить.

– Её Высочество не является моим потенциальным женихом.

В ответ послышался смешок, лишённый всякого веселья.

– Не является, – протянул он, намекая на свою будущую победу, и мне пришлось вызвать всё своё терпение, чтобы не броситься на него и не расцарапать ему лицо. Его самодовольство было невыносимо. – Иди, Лима. Но не забудь: все дороги ведут обратно ко мне.

Властвуя махнув рукой, принц пошёл дальше по коридору, насвистывая себе что-то под нос. Я же, выдохнув с таким облегчением, что, казалось, выпустила из себя весь скопившийся в легких воздух, понеслась дальше. Мне нужно было как можно скорее скрыться с глаз принца, пока он не

нашёл ещё какой-то повод ко мне обратиться или, что хуже, не приказал следовать за мной стражникам. Я свернула в галерею, ведущую к главному стволу.

Первым делом мне нужно было попасть на почтовую станцию. Почтовая станция для знати была расположена почти у самой земли в искусно вырезанном зале внутри Древа, где кора была отполирована до зеркального блеска, и всю корреспонденцию принимали только феи высокого ранга. Это место было хорошо защищено от лишних глаз, и отправка письма, даже при условии цензуры, была относительно быстрой и безопасной, если не считать того, что каждый пергамент тут вскрывали и читали, прежде чем запечатать его зачарованным сургучом, чтобы гарантировать, что информация не утечёт за пределы Двора.

Я быстро спустилась по винтовой лестнице, которая вела прямо в сердце Древа Жизни. Архитектура здесь была поразительна: коридоры, выросшие из живой плоти дерева, пульсировали мягким зеленым светом. Я почти бежала, стараясь не привлекать внимания редких слуг. Через пять минут я уже стояла у резной стойки, где невысокий, но статный феи с крыльями цвета изумруда, тщательно сортировал кипы пергаментов.

– Доброе утро, лорд Тирис, – мой голос звучал немного запыхавшимся, но я старалась говорить как можно более уверенно.

Тирис поднял взгляд, его глаза, цвета расплавленного зо-

лота, осмотрели меня с профессиональной вежливостью, в которой не было ни тени интереса.

– Госпожа Лотторен. Вы рано. Передавайте, пожалуйста.

Я вынула толстый, запечатанный конверт из складок платья и положила его на стойку. Я знала, что письмо прочтут, но надеялась, что отец использовал какой-то код или условные фразы, чтобы передать мамы важное сообщение, не вызывая подозрений у цензоров. А ещё я надеялась, что он пишет обо мне... по её просьбе... Хотелось верить, что я для неё не чужая, что она меня помнит и любит, пусть и не хочет видеть. Эти жалкие надежды грызли меня изнутри. Я не могла знать, что именно там написано, но знала, что это срочно. Протянув золотой соверен для оплаты пересылки, я заставила себя улыбнуться.

– Надеюсь, письмо дойдёт быстро, это очень важные новости для моей мамы.

– Оно будет отправлено с ближайшим курьером, – Тирис механически принял конверт, – Если не будет задержек с проверкой, уйдёт сегодня же.

Отлично. Первая часть выполнена. Я поблагодарила его и поспешила обратно к лестнице. Теперь нужно было попасть в город, где находился настоящий, шумный базар, а не та скучная лавка, где отоваривались придворные. Только из-за этого я обожала покидать стены замка, ища любой повод выбраться в город.

Мне пришлось спуститься и пройти самым быстрым пу-

тём - по узким служебным лестницам, которыми пользовались только слуги и низкоранговые курьеры. Здесь пахло сыростью и пылью, а свет был тусклым, исходящим от магических камней в нишах стены. Ни один аристократ, кроме, пожалуй, меня, не спустился бы в эти катакомбы, и именно это давало мне ощущение относительной безопасности.

Выйдя из Древа через боковой проход, я оказалась на мощеных улицах города. Контраст с площадью был разителен: у подножия Исполина, где стоял Двор Жизни, город бурлил. Высокие каменные дома, построенные в стиле фейри, с изогнутыми линиями и живыми растениями на фасадах, теснились, образуя узкие проходы. Воздух был плотный от запаха специй, мокрой земли и, конечно, людей.

Люди, рабы, составляли здесь большую часть рабочей силы и снующих торговцев. Я видела, как они тащат тяжелые тележки, как их взгляды полны смиренной покорности и скрытой горечи. Моё сердце всегда сжималось при виде них. Мне, дочери фейри, было стыдно за то, как обращались с этими смертными. Я ускорила шаг, вливаясь в толпу, стараясь выглядеть как можно более незаметно.

Моей целью был ювелирный ряд — узкая улочка, куда стекались лучшие торговцы украшениями. Но сначала, как велел отец, я должна была убедиться, что за мной нет хвоста. Я использовала все трюки, которым научил меня папа: делала резкие повороты, внезапно останавливалась, делала вид, что рассматриваю товары в лавках, а затем быстро уходи-

ла, наблюдая за отражениями в окнах, чтобы уловить любые подозрительные движения. Моя паранойя, усиленная утренней встречей с Аденом, была на пределе. Я чувствовала, что должна быть абсолютно уверена в своей безопасности.

Никого. Или я просто не могла разглядеть опытного шпиона. Полагаться приходилось только на свою бдительность, и, сделав глубокий вдох, я решилась. Свернув за угол, я, наконец, достигла улочки, где среди блестящих витрин, стояла Лавка Киора. Она была небольшой, но украшения в ней были изысканны, привлекая самых богатых особ Двора. Киор, старый, сутулый фейри с острым взглядом и руками, испещренными рубцами от работы с драгоценными металлами, всегда находился в укромном углу своей лавки, склонившись над верстаком.

Я вошла, и мелодичный звон колокольчика над дверью оповестил о моём приходе. Внутри пахло металлом, ладаном и чем-то въедливым. Кроме меня, в лавке была лишь одна пожилая фейри, рассматривающая ожерелье. Это был идеальный момент.

– Господин Киор, – обратилась я к нему, подходя ближе к верстаку, притворившись, что меня заинтересовали тонкие серебряные серьги, лежавшие рядом. Мои пальцы коснулись холодного металла, имитируя интерес.

Киор медленно поднял голову, его глаза мгновенно оценили моё появление. Он знал, что я дочь Верховного советника, и знал, что я пришла не просто за украшениями. Его

взгляд, полный мудрости, был предельно внимателен, но не выражал ни капли удивления. Он был мастером скрытности.

– А, госпожа Лотторен. Какой сюрприз. Всегда рад видеть таких ценителей изящного, как вы, – его голос был тихим, словно шелест сухой травы.

– Мне нужно что-нибудь красивое к новому платью, – прошептала я, склонившись чуть ниже, словно обсуждая цену, – Вы знаете, мой отец всегда настаивал на том, чтобы я выбирала что-то особенное.

Я быстро осмотрелась. Пожилая фея всё ещё стояла у витрины, но она была достаточно далеко. Спрятанный тонкий конверт в корсете слегка натирал кожу, напоминая о себе. Выбирая момент, когда Киор склонился над ящиком, якобы ища подходящее украшение, я вытащила пергамент из корсета. Сердце колотилось так, словно хотело пробить рёбра.

– Отец попросил передать вам это. Срочно, – я быстро опустила безымянный конверт ему в руки, когда он приподнялся, чтобы показать мне кулон. Киор, не моргнув, принял его. Пальцы, загрубевшие от работы, быстро спрятали пергамент в складках рабочего фартука. Всё заняло не больше секунды. Он даже не взглянул на меня, его внимание было сосредоточено на украшении.

– Ах, это прекрасный выбор. Ручная работа, инициалы из Лазурного моря у Двора Чёрных Песков, – он поднял браслет, и полупрозрачные, с серебряным отливом камни мер-

цали в тусклом свете. – Говорят, глаза Верховного правителя точно такого цвета– Киор небрежно заметил, полируя камни мягкой тряпочкой, и в его голосе не было ни намека на сплетни, только знание мастера о своих материалах, но это простое замечание ударило меня словно током.

Внутри что-то щёлкнуло, и мне стало трудно дышать. Верховный правитель Двора Чёрных Песков. Моё сознание тут же отбросило меня назад, к вчерашнему видению, к той высокой, тёмной фигуре с изящными рогами, которая стояла, заслонив меня от опасности. Форма, надетая тогда на мужчине - точно была из Двора Чёрных песков.

– Спасибо, господин, – я улыбнулась искренне, насколько смогла. Я выбрала самый дорогой из представленных им кулонов, заплатила и поспешила к выходу. Моё дело здесь было закончено. Оставалось только вернуться, пока никто не заметил моего долгого отсутствия. Я не знала, что именно содержалось в том письме, но я выполнила поручение отца. Теперь я могу вернуться в Стекланный замок.

Я вышла из Лавки Киора, чувствуя себя так, словно только что сбросила с плеч огромный камень. Миссия выполнена. Конверт, предназначенный не для королевских глаз, уже был в надёжных руках торговца, который скоро покинет пределы Двора Жизни, увозя тайну моего отца далеко от города. Мне нужно было торопиться, чтобы мое отсутствие не заметили, и чтобы я не наткнулась вновь на Его Высочество, чьё присутствие отравляло воздух вокруг меня.

Глава 6

Вернувшись в Стекланный замок после спешного поручения, я почувствовала, что воздух вокруг наполнился густой, осязаемой суетой. Слуги сновали по коридорам с удвоенной скоростью, их тихие шаги и приглушённые голоса, обычно сливающиеся в белый шум, теперь казались лихорадочными, и я знала, что виной тому не только траур, но и присутствие делегаций из других Дворов. Процесс передачи писем, особенно то, как Киор принял безымянный пергамент, оставил неприятный осадок — ощущение, что я была частью чего-то гораздо более масштабного и опасного, чем просто курьерская служба. Но я выполнила приказ отца безукоризненно, и теперь могла сосредоточиться на следующем шаге: притвориться, что я - ничего не подозревающая фэйри. Я быстро поднялась в свои покои, и, чтобы восстановить хотя бы внешнее спокойствие, потратила время на то, чтобы причесать свою косу и оправить обсидиановое платье, идеально вписывающееся в траурный этикет. Нужно было выглядеть безупречно, чтобы ни один острый взгляд придворных не смог усомниться в моей собранности или, что хуже, в моей искренности. Все мои внутренние переживания: и видение Межземелья, и приступ, и загадочное поручение — должны были остаться за закрытыми дверями. "Никому не

доверяй, даже мне", — слова отца эхом отдавались в голове, но я старалась заглушить этот голос, сосредоточившись на необходимости поддерживать внешний фасад.

Когда часы пробили полдень, я направилась в Трапезную залу, где должен был состояться второй, более формальный завтрак, теперь уже с участием высоких гостей. Зал был огромен, его своды, сотканые из переплетённой, живой коры, казались выше, чем обычно, словно пытаюсь вместить не только всех фейри, но и их огромные, невидимые амбиции. Столы, вырезанные из тёмного, отполированного дерева, были накрыты серебром, которое отражало мягкий, изумрудный свет Древа. Атмосфера была странной смесью торжественной скорби и напряжённого ожидания. Никто не смел говорить громко, но каждый взгляд был полон невысказанных вопросов и оценки.

Я быстро нашла своё место. Эрина уже сидела по правую руку от пустого кресла Короля, её лицо было чуть бледнее обычного, но она держалась с королевским достоинством, обмениваясь сдержанными поклонами с прибывшими лордами. Моё место было по её правую руку. Я заняла своё кресло, стараясь не привлекать внимания, и, только когда села, увидела, что напротив меня, через стол, сидит мой отец. Он выглядел утомлённым, его глаза были прикованы к центру стола, а пальцы, лежащие на столе, слегка подрагивали — верный признак его глубокого, хотя и тщательно скрываемого, беспокойства. Меня немного успокоило его присутствие.

По обе стороны от королевской семьи, за отдельными, но не менее величественными столами, уже располагались делегации. Их присутствие вносило сильный диссонанс в магию Двора Жизни: холодные взгляды Двора Костей; ледяной, колючий воздух от Двора Метелей; и резкий, фиолетовый импульс Двора Молний, который странно резонировал с моей собственной, неконтролируемой маной. Я чувствовала, как потоки чужой силы давят на меня, и приходилось прикладывать усилия, чтобы сдерживать своё внутреннее возбуждение. Вот почему отец не хотел, чтобы я шла на совместные трапезы.

Прежде чем сесть, я вежливо поклонилась всем присутствующим членам королевской семьи, изображая на лице необходимую скорбь. Как раз, когда я была готова занять своё место, в зал, в сопровождении своих советников, вошёл Король. Его появление было встречено мгновенным, почти болезненным молчанием. Тут же встав, все придворные, словно подчиняясь невидимой команде, склонили головы в глубоком реверансе или почтительном поклоне, приветствуя монарха, демонстрируя свою лояльность и уважение к трону.

Король Исирей, который несколько дней назад казался сломленным, теперь держался с новой, пугающей твёрдостью. Скорбь, что недавно болезненным дыханием обрамляла его лицо, сейчас была не заметнее стрекозы в листве Чар-Древа. Он прошёл к своему месту во главе стола, и его взгляд, обводящий зал, был цепким и оценивающим. Приня-

тие гостей, пусть и после такого тяжёлого события — должно было показывать лишь силу Двора, его устойчивость перед лицом любых личных трагедий.

– Лорды и Леди, – твёрдый, гулкий голос разлетелся над обеденной залой, – Ближайшие пару дней наши дорогие гости будут трапезничать с нами. Пусть ваше присутствие будет знаком нашей вечной дружбы и силы Двора Жизни.

Он великодушно махнул рукой, позволяя леди встать прямо и отпустить платья, прихваченные реверансами, а лордам выпрямиться и смотреть, куда указывает ладонь Его Величества. Вся сцена была отрепетирована и сыграна с мастерством, достойным лучшего театра. Я выпрямилась, немедленно занимая своё место, стараясь выглядеть как можно более прилежно, пока слуги бесшумно расставляли перед нами блюда с едой, которая сегодня была особенно богатой, чтобы продемонстрировать достаток Двора.

Именно в этот момент, когда я сосредоточилась на тарелке, мой взгляд сам зацепился за одну из делегаций. Посланники Двора Чёрных Песков сидели за столом чуть поодаль, но я ясно видела их, и их магия казалась самой необычной, странно-щекочущей что-то внутри, словно песок, забившийся в сандали. Снова моё внимание привлёк тот высокий, тёмный фейри с идеальной осанкой, который вчера смотрел на меня с подножья лестницы. Мужчина, чьи глаза были алыми, как цвет вина, спокойно обвёл залу взглядом, и я почувствовала, как моё дыхание прерывается. Он был одет в тёмные,

строгие одежды, а на мочке его заострённого уха болталась крупная, кроваво-красная жемчужина, которую я заметила ещё вчера, и которая сейчас притягивала мой взгляд, словно магический артефакт.

Его взор остановился на мне. Он не просто смотрел - он смотрел сквозь меня, с той же странной, пронизывающей пронизательностью, которую я почувствовала вчера, и которая на мгновение напомнила мне о моём тревожном видении Межземелья. В его взгляде не было ни восхищения, ни осуждения, только чистое, недвусмысленное узнавание. Это заставило меня чувствовать себя пойманной на месте преступления, хотя я ничего плохого не делала.

Щёки слегка заалели, и я почувствовала, как Эрина игриво касается меня мизинцем под столом, явно заметив то же, что и я. Она наклонилась ко мне, и её шёпот был таким тихим, что я едва могла его разобрать сквозь гул в зале.

– Ого, Лима, – прошептала она, её глаза блестели от озорства, – Ты покорила Главного советника Двора Чёрных Песков? Он не сводит с тебя глаз. Это было слишком даже для твоего очарования, ты уверена, что не использовала тут магию?

– Тише ты, – я слегка толкнула её локтем под столом, чувствуя, как моё сердце колотится от смущения. – И он не смотрит, он просто... оценивает, как и все остальные. И я не использую магию для привлечения внимания!

– Конечно, конечно, – Эрина хихикнула, наслаждаясь мо-

им замешательством, – Но знаешь, Лима, он, конечно, мрачный, но весьма величественный. Какая статья. Он похож на бога смерти, который сошёл на землю.

Насмешливая, но дружеская перепалка была прервана: Аден, сидящий напротив, явно наши намёки друг другу не оценил. Его жёлтые глаза метнулись от меня к тёмному эльфу, затем обратно, и на его лице появилась отвратительная, собственническая тень, которую я уже даже устала ненавидеть. Он не мог выносить, когда кто-то другой, тем более чужак, проявлял к его «собственности» хоть малейший интерес.

Поэтому стоило только Королю дать отмашку, чтобы все приступили к трапезе, как этот напыщенный индюк тут же попытался перевести внимание на себя, в то время как гости сели за соседний стол. Он отвернулся от лорда, с которым только что обменивался любезностями, и обратился ко мне через стол, его голос был громче, чем требовал этикет, что заставило нескольких лордов за соседними столами обернуться.

– Лима, дорогая, ты выглядишь такой хрупкой сегодня, – слова были полны притворной заботы, но в них сквозила сталь, и я сразу поняла, что он пытается выставить меня слабой перед гостями. – Я слышал, у тебя случился небольшой приступ, вызванный переутомлением. Твой отец очень переживал. Ты уверена, что тебе стоило покинуть постель? Возможно, тебе следует больше отдыхать.

Моё лицо вспыхнуло. Его слова были не заботой, а публичным напоминанием о моём недавнем провале перед лицом всего Двора и чужаков, которые теперь точно будут знать о моей некомпетентности в магии. Это был подлый, низкий удар, и он знал, что я не смогу ответить ему в полной мере, не нарушив этикета перед Королём и гостями.

– Благодарю за вашу заботу, Ваше Высочество, – я постаралась, чтобы мой голос звучал холодно и нейтрально, – Я чувствую себя превосходно. И, как вы верно заметили, отец приказал мне отдыхать. Но я не могу пренебрегать своими обязанностями перед гостями Двора Жизни. Дочь Верховного Советника должна быть здесь, чтобы оказать им почтение. Моё место рядом с Принцессой.

Я сделала акцент на своей официальной роли и на Эрине, которая была его сестрой и наследницей, пытаюсь использовать её статус как щит. Эрина, видя, что я попала в ловушку, тут же вмешалась, бросив на брата убийственный взгляд, но сохранила на лице милую улыбку, обращаясь ко мне.

– Конечно, Лима. Ты абсолютно права. Твоя преданность Дому всегда была примером для подражания, – сказала она, нежно касаясь моей руки. – К тому же, я уверена, что твое присутствие вдохновит наших гостей. Разве не так, брат? Она — один из прекраснейших цветов нашего Древа.

Аден лишь криво усмехнулся, принимая своё поражение в этом раунде. Он не стал продолжать спор с Эриной, но его глаза, полные огня, снова встретились с моими. В них чита-

лось невысказанное обещание: “Ты моя, и я не позволю чужакам даже смотреть на тебя”. Я почувствовала, как между нами пролегла невидимая, но напряжённая нить, сотканная из его одержимости и моей растущей ненависти. Эта нить была толще, чем стены Древа, и я не могла от неё избавиться.

Я быстро перевела взгляд на отца, но он не смотрел в нашу сторону. Он сидел, полностью погружённый в разговор с Королём, который, кажется, обсуждал с ним какие-то важные государственные дела, несмотря на траур и присутствие гостей. Лицо Юстейла было напряжено, и его обычно невозмутимый облик казался более хрупким, чем когда-либо. Я видела, как он сжимает челюсти, слушая Короля, и это ещё больше усилило моё беспокойство. Но я увидела, как его пальцы, которыми он держал столовое серебро, дёрнулись, а кожа вокруг костяшек побелела от напряжения.

Это был быстрый, почти невидимый жест, но я, знавшая его лучше всех, поняла: отец был в ярости. Он не смел открыто возразить Принцу перед Королём и гостями, но его гнев был осязаем. Он ненавидел, когда Аден выставлял меня в невыгодном свете. Это был его личный, безмолвный протест, который, как мне показалось, был адресован именно мне: “Я с тобой, дочь, но сейчас не время для битвы”. Его срочные поручения, его нервозность – всё это не было простым трауром. За этим скрывалось что-то гораздо более серьёзное. Но что именно говорить он мне, очевидно, не собирался.

Я старалась не смотреть на темного фейри, но знала, что его взгляд всё ещё прикован ко мне. Я чувствовала его, как тонкую, едва уловимую вибрацию, которая проникала сквозь плотную ткань платья, словно он пытался прочесть мои мысли или увидеть мой "сосуд". Это было невероятно некомфортно, но я была слишком хорошо воспитана, чтобы начать сканировать зал взглядом, и просто сосредоточилась на своей тарелке. Еда казалась безвкусной, словно я ела не роскошное жаркое, а обычный песок, приправленный тревогой.

Наконец, поздний завтрак, длившийся, казалось, целую вечность, подошёл к концу. Король, вставая, коротко поблагодарил гостей за присутствие и объявил, что теперь они будут решать государственные вопросы в своём кабинете. Это был негласный сигнал к тому, что придворным пора расходиться. Поднявшись, я быстро поклонилась Королю и, не дожидаясь, пока Аден снова попытается заговорить со мной, поспешила уйти, используя Эрину как прикрытие. Мы вышли из залы вместе, и как только оказались в коридоре, я почувствовала себя свободнее.

Хоть меня и освободили от уроков магии, так как Верховный Советник посчитал, что излишняя концентрация на стихиях лишь мешает моему развитию, он не просил воздержаться от других занятий, которые, по его мнению, помогали мне "найти баланс". На самом деле, уроки фехтования и военного дела были единственным, что заставляло меня по-настоящему чувствовать себя живой и не похожей на беспо-

лезный цветок в горшке. Я тихо попрощалась с Эриной, которая уже спешила на свои занятия по придворному этикету, а сама последовала по пятам за отцом, стараясь быть максимально бесшумной, чтобы он не слышал моих шагов. Внутри меня трепетало возбуждение, я знала, куда он направляется, и этот маленький секрет, который мы разделяли, был дороже всех драгоценностей Стеклянного замка.

Остаться незамеченной не получилось.

Я поняла это по едва заметной, но такой родной ухмылке, которая скользнула под его аккуратно подстриженными усами, когда он обернулся, словно почувствовав моё присутствие кожей. Он остановился в пустом коридоре, где даже редкие слуги старались не появляться, чтобы не мешать его прогулке.

– Нужно больше полагаться на носок своей ноги, чтобы шаги были тише, милая, – прозвучал его низкий, спокойный голос. Я уже выдохнула, понимая, что попытка провалена, и сравнялась с папой, жадно ловя каждое его слово, – И когда крадёшься – нужно чуть больше пригнуться, это смещает центр тяжести, и руками не размахивай, чтобы удержать равновесие, держи их ближе к телу, как хищница перед прыжком. Да и платье, хоть и лёгкое, из тонкого дворцового шёлка, – довольно шумное. Шелестит при каждом движении, выдавая тебя с головой.

Он всегда говорил тихо, даже когда давал мне наставления, словно боялся, что стены Стеклянного замка подслуша-

ют наш маленький сговор.

– Хорошо, папа, я запомню, – кивнула я, стараясь, чтобы мой голос тоже был приглушённым, – Пап?

– Да, цветочек? – он повернулся ко мне полностью, и в его глазах, всегда настороженных и мудрых, было чуть больше расслабленности, чем за официальным завтраком в присутствии Короля.

– Мы сегодня... потренируемся...? – стараясь говорить максимально тихо, чтобы никто не услышал, я поиграла бровями, прищулив лавандовые глаза в заговорщицкой манере.

Настроение родителя явно поднялось, пока он наблюдал за моим азартом и неподдельной радостью. Его строгие черты смягчились, и он, казалось, с гордостью рассматривал свою дочь, которая жаждала не балов, а боя. Он знал, как сильно я любила эти секретные уроки, как много они значили для меня, давая выход той энергии, которую придворный этикет требовал скрывать под маской покорности и женственности. Эти моменты были для нас обоих отдушиной от дворцовой рутины.

– У тебя пятнадцать минут, чтобы переодеться и прийти в зал, – так же шёпотом ответил отец, наклонившись ко мне, словно передавая великую государственную тайну. – Запомни: не задерживайся, пока я не успел передумать.

Радостно, но тихо взвизгнув от восторга, я подскочила на месте и поспешила в спальню, чтобы переодеться из пышного, сковывающего движения платья в кожаные штаны и сво-

бодную белую тренировочную рубашу.

Спальня всё ещё пахла травяным чаем, хотя вся посуда была давно убрана, и не осталось ни намёка на мой запоздалый, спешный завтрак. Быстро зарывшись в гардероб, я на ощупь нашла в глубине верхней полки свой свёрток с тренировочной одеждой. Скинув с себя тёмные шелка, которые казались теперь оковами, я облачилась в более простую форму. Эта одежда давала свободу движений, которую я ценила больше всего. Немного подтянула свою серебристую косу, чтобы она не мешала, и, стараясь, чтобы ни с кем не столкнуться, поспешила по служебным коридорам к тренировочному залу. Отец уже, должно быть, выгнал оттуда всю прислугу и редких фейри, желающих отточить свои навыки в этот час.

Леди не престало размахивать оружием, это считалось грубым и мужеподобным, однако отец почему-то в тайне всё же учил меня. Он говорил, что военное дело поможет мне лучше очистить мысли.

Для потоков маны нужен баланс.

Но так же, как Эрине заниматься официально никто не разрешал, и даже от подруги мне приходилось держать эти тренировки в тайне. Только Сейфи мог знать мой секрет, ведь он не из тех, кто вхож в высшее общество и может растрепать информацию в Дворе жизни. Он был сыном поварихи, а сплетни между слугами всегда были и будут, но они редко доходили до ушей аристократии, а если и доходили, то

воспринимались как пустой трёп. Конечно, я понимала, что мой отец не столько воин, сколько дипломат, и полноценному и качественному владению оружием он меня не обучит, но даже такие базовые навыки вызывали во мне искреннюю радость и гордость, когда у меня что-то получалось.

Осторожно приоткрыв двери, чтобы убедиться, что кроме моего главного наставника по жизни там больше никого нет, я скользнула внутрь, мгновенно ощутив запах пота и старого дерева, такой чуждый запаху цветов в остальном замке.

– Бери, – он указал на скимитары, лежащие на оружейном столе, выпрямившись. Его фигура была величественна, даже облачённая в простую тренировочную одежду, а в руках он уже держал свой любимый, массивный топор – оружие, не предназначенное для дипломатии.

Холодные рукоятки, искусно вырезанные из драконьей кости, удобно легли в мои ладони. Мы тренировались так только последние пару лет, но уже за это время смогли подобрать мне подходящее оружие — лёгкие, изогнутые клинки, которые дополняли мою скорость, а не силу.

Встав в стойку, я приготовилась к защите.

– Нападай, – его слово прозвучало твёрдо, и я опешила.

– Пап? – Я не смогла скрыть своего удивления.

– Нападай, Лима! – повторил он.

Всё это время мы учились только обороне – папа утверждал, что это самое важное для концентрации. Он говорил, что во время атаки чаще используются эмоции для подпит-

ки битвы, и это опасно, потому что эмоции разбалансируют потоки маны. А вот во время самозащиты – ты учишься чуть больше анализировать, быть хладнокровной и не поддаваться провокациям. Но сегодня даже атмосфера в зале была другая, более напряжённая, словно мы готовились не к уроку, а к настоящему бою. Мой отец был всегда заботлив и нежен, пусть и не часто на глазах у всех, но я была уверена, что он всегда на моей стороне. И тем не менее он был строг, поэтому слегка повышенный голос не воспринимался мной как что-то из ряда вон выходящее.

Я должна была подчиниться.

Сделав выпад, я выбросила вперёд руку, сжимающую ски-митар, целясь в его плечо. Он ловко парировал мою вялую попытку, отбив удар топориком, даже не приложив усилий.

– Слабо, Лима. Где твоя концентрация? Ты думаешь о завтраке? – Он смотрел на меня серьёзно, его глаза требовали полной отдачи.

– Я стараюсь, – пропыхтела я, отступая на шаг, чтобы восстановить дыхание.

– Стараешься? А должна действовать, – он опустил топор, но не расслабился. – В бою нет места для стараний, только для цели. Для чего ты тренируешься? Чтобы научиться защищаться, или чтобы нападать?

– Чтобы научиться защищаться, конечно! – я ответила почти немедленно. Я была максимально лояльна Двору жизни и всему, что он представлял. Я видела себя защитницей по-

рядка, а не разрушительницей. Я никогда не стремилась к власти или агрессии, только к способности стоять за себя и за тех, кого я любила. Моё предназначение, как я его видел, заключалось в мудрости и защите, как у отца, а не в захвате или пролитии крови. Я искренне верила, что моя мана должна служить миру, а не хаосу, и тренировки помогали мне это контролировать.

– Защищаться, – повторил Юстейл, его голос стал задумчивым. Он сделал шаг ко мне, но топор оставался опущенным. – Запомни, милая. Чем больше ты защищаешь, тем больше ты становишься целью. И самая опасная цель в этом мире – это трон Двора жизни.

Я нахмурилась, не понимая, куда он клонит. Трон? Это было настолько далеко от меня, что казалось сказкой.

– Но разве мы все не защищаем его? Короля? – спросила я, недоумеваю. Для меня Двор жизни был синонимом дома и порядка.

– Мы защищаем порядок, который он символизирует. Но сам Трон... – Отец слегка покачал головой, его взгляд стал отстранённым, словно он видел не меня, а давно минувшие века. – Трон Двора жизни – он как хищный зверь. Он не нуждается в защите, он сам – поглотитель. Он манит, он обещает величие, но в итоге он забирает всё, что у тебя есть. Помнишь, я говорил, что нападение – это чистые эмоции? – он сделал акцент на слове "чистые". – Трон требует чистой, беспримесной воли к власти, того самого, неконтролируемого

нападения, аристократической гордыни. Но ты – ты дитя баланса, Лима. Твоя сила в контроле и в защите. И если ты когда-нибудь, даже случайно, почувствуешь, что твой путь ведёт к этому Трону, помни мои слова. Оставайся в тени, Лима. Оставайся защитником. Потому что нападать на Трон или пытаться сесть на него – это верная смерть.

Он говорил о политике, конечно.

Я приняла его слова как завуалированное предупреждение о дворцовых интригах, о том, как опасно заходить слишком далеко в амбициях, и о том, что мне важно будет защитить Эри, когда она взойдёт на трон. Мой отец, мудрый дипломат, просто напоминал мне о необходимости бдительности и смирения.

– Я поняла, пап. Я буду держаться подальше от нападений, – твёрдо кивнула я, поднимая скимитар и снова принимая оборонительную стойку.

– Хорошо, – Юстейл слабо улыбнулся. – Тогда давай. Иди сюда и покажи мне, насколько крепкой может быть твоя защита. Не дай мне даже шанса приблизиться к себе.

С этими словами он снова поднял топор, его массивный клинок мерцал в тусклом свете зала, и с неожиданной для своего возраста скоростью бросился вперёд. Мне пришлось мгновенно отреагировать, парируя его первый удар, который пришёлся бы прямо в голову, если бы я замешкалась. Звон стали наполнил зал, и я сосредоточилась на том, чтобы уйти от удара, сместиться, заблокировать, используя каждый со-

вет, который он дал мне о тихих шагах и низком центре тяжести. Это было сложно, это было больно, но это было самое настоящее, что у меня было, и я цеплялась за это ощущение, за каждую секунду, проведённую рядом с отцом.

В тот момент я чувствовала себя самой счастливой девочкой во всём Дворе жизни.

Звон его топора, с которым я сражалась, был подобен песне – грубой, древней мелодии, знакомой моему телу до самых костей.

Юстейл, высокий и крупный даже для фейри Двора жизни, двигался с обманчивой грацией, а его удары были не просто силой, они были весом – весом всего его тела, помноженным на ярость клинка.

Я отступала, мои ноги работали без усталости, удерживая меня на грани падения, но не позволяя завалиться, используя низкий центр тяжести, о котором он говорил, чтобы оставаться в равновесии, несмотря на усталость, которая уже начинала сковывать мышцы.

Никаких лишних движений.

Он нанёс удар, который должен был раздробить мне ключицу, но я не парировала, а лишь сместила вектор его силы, используя его же инерцию, как он учил – главное правило, когда твой противник в два раза крупнее и в три раза сильнее.

Я едва успевала дышать, воздух вырывался из лёгких с болезненным хрипом, но в голове была идеальная, ледяная яс-

ность: уйти, сместиться, использовать момент, когда его лезвие уже прошло точку невозврата, чтобы нанести встречный, быстрый удар, который, к сожалению, не причинил бы ему вреда, но символизировал бы мою победу в этой конкретной разменной комбинации.

– Слишком широко! – рявкнул папа, и я почувствовала, как ветер от его топора едва не сорвал волосы с моего лба, – Если не можешь победить силой, укради его силу!

Я провалила защиту, уйдя глубоко вниз, почти садясь на корточки, и его топор пролетел над моей головой, заставив его массивную фигуру немного наклониться вперёд, и я использовала это мгновение, чтобы подскочить и сделать финт скимитаром, который заставил его рефлекторно отдернуть руку.

Это была изнуряющая игра, в которой каждое моё движение должно было быть идеальным, а каждое его – проанализированным до того, как он его совершит, ведь у меня не было права на ошибку, иначе я встречу лезвие его топора.

Мне нужно было чувствовать его тело, предсказывать, куда он направит свой вес, чтобы подготовить свою контратаку или уход; мой отец был мастером этой игры, и я знала, что он не даст мне поблажек, потому что жизнь не даёт поблажек.

– Хорошо. Теперь не дай мне восстановить равновесие!

Мои ноги уже отказывались повиноваться, но я заставила себя двигаться, кружа вокруг него, как надоедливый комар, нанося быстрые, хлесткие удары, целясь в незащищён-

ные места – колени, рёбра, горло – любые уязвимые точки, которые могут вывести из строя такого крупного противника, но была я лезвием плашмя.

Он лишь смеялся, глубоко, горловым смехом, который, казалось, сотрясал весь каменный зал, и каждый его шаг был намеренно тяжёлым, чтобы я не забывала, против какой мощи я работаю.

Я видела гордость в его глазах, ту тёплую искру, которую он часто давал мне чувствовать в любое время, и это ощущение было моим топливом, лучшим, что я могла получить после долгих месяцев тяжёлых тренировок.

– Довольно, – Юстейл опустил топор, и звон металла прекратился, сменившись тяжёлым дыханием, оглашая тишину зала, – Твои руки дрожат. Ноги держат. Ты молодец, Лима.

Я тут же упала на колени, тяжело дыша, и только сейчас осознала, насколько сильно болело моё тело; скимитар едва не выпал из онемевших пальцев, и я удержала его лишь чудом, не хотелось позориться. Несмотря на возраст отца, мне ещё сильно не хватало энергии и опыта, чтобы долго держаться в битвах.

– Я... я почти не дала тебе попасть по мне, – выдохнула я, чувствуя, как пот стекает по вискам, щипля глаза.

– Почти. В реальном бою «почти» означает смерть, – его голос стал мягче, но оставался строгим, и он протянул мне руку, чтобы помочь встать. – Не забывай, твоя сила не в мышцах, а в скорости и использовании пространства.

Он отвёл меня к скамье, где лежали полотенца и фляга с водой, и я жадно припала к горлышку, чувствуя, как холодная влага возвращает меня к жизни, а сердце постепенно успокаивается, переходя от бешеного ритма к нормальному биению.

– Если тебя прижмут, ты должна провалить их удар, как проваливаешь землю под ногами, – он положил тяжёлую руку мне на плечо, и я ощутила эту отеческую заботу, которая всегда была моим главным утешением.

Кивок. Я всё запомню.

Мне предстоял заслуженный отдых, и единственное, о чём я сейчас мечтала, это о горячем паре и нагретом мраморе дворцовых бань, где можно было бы расслабить каждый ноющий мускул и смыть усталость этого долгого, но счастливого утра.

Юстейл кивнул мне на прощание, его губы растянулись в едва заметной, но очень нежной улыбке – в зале ему нужно было ещё поработать над подготовкой оружейной к приёму учеников личной гвардии Короля, раз он выгнал отсюда начальника стражи.

Мокрый, тяжёлый пар хаммама окутал меня, стоило мне переступить порог предбанника.

Контраст после холодной стали и напряжения тренировки был невероятным, и я почувствовала, как мышцы протестующе гудят, но горячий влажный воздух обещал облегчение,

проникая в каждую клеточку тела, обещая снять напряжение, накопившееся за утро.

Я сняла с себя пропитанную потом одежду, оставляя на себе лишь тонкое банное полотенце, и медленно побрела к центру зала, где мраморные скамьи были прогреты до приятного, обжигающего жара, в котором можно было бы забыть обо всём на свете.

Едкий запах масел бил в нос.

– Лима? Я думала, ты сегодня проваляешься в постели до самого ужина, – раздался знакомый, чуть насмешливый голос, и я сразу почувствовала себя лучше.

Я обернулась. Эрина, после занятий по этикету тоже уже была здесь, вероятно, чтобы сбросить напряжение после тянущих щёки улыбок во время обучения.

Впрочем, даже расслабляясь, она сидела с безупречной осанкой, свойственной всем Таурелин, и её волосы, цвета сочной травы были собраны в аккуратный узел на затылке, чтобы не мешать пару обволакивать кожу, и даже в полотенце она выглядела величественно. Подруга сидела на дальней скамье, и я почувствовала, как моё сердце оттаяло от одного лишь её присутствия здесь.

– А я думала, принцесса не снисходит до общих бань, – я улыбнулась, садясь рядом, ощущая, как горячий мрамор приятно печёт кожу через полотенце.

– Эти общие бани – единственное место, где меня не достанет Мастер Ифистан, – Эрина вздохнула, потирая виски,

и в этом жесте было столько усталости, что я сразу забыла о своих собственных ноющих мышцах.

– Ты выглядишь так, будто сражалась с целой армией троллей. Чем ты занималась?

Она всегда знала, как разрядить обстановку, даже когда сама была на грани.

– О, думаю, это всё ещё последствия приступа и присутствия твоего брата поблизости, – я закрыла глаза, позволяя теплу проникать в кожу, ощущая, как напряжение медленно уходит из мышц.

– Аден снова что-то замышляет? Он, похоже, вообще не знает покоя.

Её губы скривились в выражении глубокого отвращения, которое она, однако, сразу же попыталась скрыть, напоминая себе, что даже здесь, в хаммаме, нельзя забывать о стенах и ушах.

– Всегда. Он не спит, он плетёт интриги. И каждый раз придумывает новый способ меня взбесить.

– Думаю, это его любимое занятие? – мы невесело усмехнулись.

– О, его «занятие» – это держать всех в состоянии постоянного напряжения, – ответила я, открывая глаза и переводя взгляд на влажный мрамор пола, который блестел, отражая тусклый свет магических сфер. – Но сейчас он перешёл все границы, Эрина.

– Дай угадаю: он снова пытался быть «учтивым»? – её го-

лос был полон притворной сладости, которая тут же исчезла, как только она закончила фразу. – Не знаю, что хуже: его откровенная симпатия, переходящая в одержимость, или вот эта показная забота, которую он демонстрирует, когда мы на людях.

– Он просто пытается загнать меня в угол. У меня ощущение, что он каждый день напоминает мне о том, что я его собственность, даже несмотря на то, что отец ещё не вынес окончательного решения о нашей помолвке, – я откинулась на спинке скамьи, позволяя пару обволакивать моё лицо.

Он ходит за мной по пятам, везде. Мне кажется, он искренне убеждён, что его настойчивость сродни романтике, и что я должна быть благодарна ему за то, что он «снизошёл» до меня.

– Он не знает, что такое искренность, – прошептала Эрина, потирая кожу между большим и указательным пальцем. – Я – его сестра, и даже мне его мотивы понятны лишь наполовину. Но то, что он делает – это не ухаживание, Лима. Это политическая декларация. Он не просто хочет на тебе жениться, он хочет тебя контролировать.

И это злит меня.

– Именно поэтому я сегодня так старалась в зале не реагировать на его выпады, – я выдохнула, чувствуя, как тепло проникает глубоко в кости, но напряжение в душе никуда не делось. – Он ждёт, что я стану ручной, что моя воля сломается под его постоянным давлением, и что я сама побегу к

нему. Но я не дам ему этого шанса.

Мои тренировки – это моя единственная страховка. Я должна быть настолько сильной, чтобы, если он решит, что брака не будет, я могла бы просто уйти.

– Твой отец не даёт ему спуска в этом вопросе, это видно, – сказала Эрина, и в её голосе проскользнула нотка восхищения. – Если ты будешь владеть своим ядовитым языком не хуже своего отца, даже он с тобой не справится.

В тот момент, когда я лежала в горячем паре, мои мысли вернулись к Юстейлу, к его громогласным указаниям и неистовой силе, которая едва не разбила мне рёбра этим утром. Я до сих пор ощущала фантомную боль там, где его топор пролетел всего в миллиметре от моей головы, и это было напоминанием о том, что даже отец, любивший меня всем сердцем, не позволит мне расслабиться в вопросах безопасности.

Его удары были методичны и беспощадны.

Мышцы всё ещё пульсировали, но этот спазм был своего рода приятной болью – доказательством того, что я выжила и стала лучше, чем была час назад. Он всегда говорил, что я должна научиться «красть» вес и силу, потому что у меня никогда не будет его мощи, зато будет скорость и ловкость, и в этом моё преимущество над крупным противником.

– Он знает, что делает, – Эрина опустила свой подбородок на скрещенные колени, её взгляд был задумчив. – Если ты можешь учиться дипломатии напрямую от своего отца, у

меня будет лучший Верховный советник во всех дворах.

- Не-е-ет, - я неверя повернулась к ней. Конечно, я знала, что буду рядом, когда она взойдёт на трон, но не думала, что смогу занять должность своего отца.

- Да, - она весело улыбнулась, и я почувствовала, как сердце трепещет от столь сильной любви к подруге. Положив голову на её плечо, я довольно прикрыла глаза, - И тогда мой брат не сможет тебя и пальцем тронуть.

Мне не хотелось думать о том, что будет, если отец отвергнет этот брак, или что ещё хуже – если согласиться. Это была золотая клетка, и каждый раз, когда Аден подходил слишком близко, я ощущала, как прутья сжимаются.

- Я просто хочу сама выбирать, – прошептала я, и мои слова растворились в густом паре. – Мне не нужна его «защита».

- Но ты нужна ему, – возразила Эрина, её тон был более серьёзным, чем обычно, что выдавало её собственное напряжение. – Ты – дочь Верховного советника, ты всё ещё имеешь влияние, а если ты будешь моей невесткой, твой статус будет неоспорим, Лима.

- Если статус покупается ценой свободы – я отказываюсь, – мой голос стал твёрдым.

Влажный жар обволакивал меня, даря временное забвение, но мысли о будущем, о давлении Адена и о моей вынужденной изоляции, не давали покоя. Я чувствовала, как пар вытягивает из меня усталость, но он не мог вытянуть страх

и недоверие, которые глубоко засели в душе.

Мы сидели в тишине, нарушаемой только мягким шипением пара, который поднимался с мраморных плит, и редкими каплями, стекающими по стенам.

Наконец, я поднялась, чувствуя, что достигла предела расслабления.

Моё тело было лёгким, но голова оставалась тяжёлой от навязчивых мыслей.

– Нужно возвращаться. Кажется, я достаточно отдохнула, – я накинула тонкое, сухое полотенце и направилась к выходу.

– Лима, – тихо произнесла Эрина, её глаза были закрыты, – Будь готова. Всегда.

Её слова эхом отдавались в голове. Я знала, что она права. В этом Дворе нельзя было расслабляться ни на секунду, особенно когда ставки так высоки, а жених настолько настойчив. Я вышла из хаммама, оставляя за спиной пар и обжигающий мрак, готовая к следующей, не менее изнурительной битве – битве с придворным этикетом и удушающей заботой принца Адена.

Глава 7

Обсидиановое платье, плотное и тяжелое, сковывало движения. Каждый шаг по мраморному коридору отдавался глухим стуком каблуков, и я чувствовала себя скорее темным рыцарем, чем изящной леди. Я шла в свои покои, желая одного – скорее сбросить эту маску вежливости и просто побыть в одиночестве.

Завернув за угол, я резко остановилась, словно наткнулась на невидимую стену. Перед глазами возникло нечто настолько невероятное, что на мгновение я забыла, как дышать, а сердце пропустило удар, застыв в груди. Она стояла там, окруженная двумя испуганными слугами, и смотрела на меня с тем же ошеломленным недоумением. Белые волнистые волосы водопадом падали ей до пояса, острые, черные рога изящно изгибались над лбом, а кожа была того же пепельного оттенка, что и моя.

Единственное отличие, которое бросилось в глаза и пронзило меня, как ледяной шип, были глаза — её глаза были пронзительно голубыми, тогда как мои, лавандовые, казались неестественно яркими на фоне этой наглой копии. Это было почти идеально, если бы не этот цвет радужки.

– Кто вы? – мой голос прозвучал тихо, но в нем уже звенела сталь, привычная в этом Дворе, требующая немедлен-

ного ответа. Она, молодая тиффлингша, мгновенно опустила голову, сгибаясь в таком низком поклоне, что ее волосы коснулись пола. Слуги, две пожилые женщины, замерли рядом с ней, дрожа от страха, словно их вот-вот должны были казнить. Ответа не последовало.

Тишина была оглушающей.

– Я задала вам вопрос, – повторила я, делая шаг вперед. Мое терпение никогда не было велико, а после дня, начатого со срочных дел и внимания Адена, оно и вовсе испарилось. Вид этой девушки, словно вышедшей из моего самого кошмарного сна, был последней каплей. Служанки испуганно переглянулись; очевидно, эта встреча не должна была состояться, и я не должна была видеть эту сцену.

– Ваша Светлость, – дрожащий голос возрастной женщины раздался еле слышно, она не смела поднять головы, ее слова были едва различимы, – Его Высочество Принц Аден пожелал видеть эту особу сегодня...

– Я спросила кто она, – мое терпение растворилось окончательно. Картина, которая складывалась в моей голове, была до того омерзительной и унижительной, что меня начало тошнить. Хотелось немедленно вернуться в бани, чтобы смыть с себя этот гадкий, липкий след чужой игры.

Внезапно молодая тиффлингша, столь похожая на меня, упала на колени, низко припала к земле и затараторила высоким и нежным, словно звон колокольчика, голосом, который, к моему ужасу, был также пугающе похож на мой соб-

ственный, только менее резкий.

– Прошу, Леди, простите меня, я не хотела как-то вас задеть или опозорить своим присутствием, молю вас, сжальтесь, – она причитала, и эта мольба напоминала мне выступление придворных шутов, только была до того фальшивой, что вызывала лишь отвращение и нарастающее раздражение.

Быстрым, резким движением я наклонилась и схватила незнакомку за локоть, заставляя ее вскрикнуть и поднять на меня взгляд, полный страха и раболепия. Ее кожа под моими пальцами была холодной, словно мрамор.

– Как тебя зовут, – потребовала я, не смягчая тона. Я должна была знать ее имя, должна была закрепить этот факт в реальности, чтобы понять, что это не просто дурной сон.

– Азалина, Ваша Светлость! Меня зовут Азалина, – пролепетала она, ее голубые глаза лихорадочно метались, и я видела, что за страхом скрывается невыносимый стыд.

– Что ты здесь делаешь, Азалина? – я старалась говорить спокойно, хотя вся ситуация заставляла меня кипеть изнутри, а кровь стучала в висках.

– Его Высочество время от времени вызывает меня к себе... – она замаялась, избегая моего взгляда, а ее бледные щеки покрылись румянцем.

Она бросила на служанок смущенный и загнанный взгляд, и я поняла, что сейчас услышу то, что подтвердит мои самые худшие подозрения. Мне не нужно было даже задавать следующий вопрос, но я сделала это, чтобы увидеть, как она

сломается под давлением.

– Для чего? – спросила я, и мой голос теперь был настолько тих, что служанки едва ли его услышали.

– Она – куртизанка, Ваша Светлость, – тихий, но отчетливый шепот младшей служанки, до этого дрожащей всем телом, донесся до моих ушей. Этот шепот, полный страха, но одновременно и некой злорадной правды, стал последней точкой кипения.

Я закрыла глаза, глубоко вдохнула, досчитав до трех, пока еще была в состоянии контролировать свою ярость, и медленно выдохнула, выпрямляясь. Я отпустила локоть Азалины, и она тут же вновь припала к полу, словно боялась, что я могу ударить ее. Это было не ее вина, она была лишь инструментом.

– Азалина, это твой настоящий цвет волос? – спросила я, стараясь придать голосу максимально нейтральный тон, хотя внутри меня бушевал ураган.

– Н-нет, Ваша светлость, – она все так же осталась сидеть на коленях, готовая вновь кинуться мне в ноги, чтобы молить о прощении. – Его Высочество приказал мне перекраситься...

Вот тут уже сдерживать свой гневный порыв у меня сил не осталось. Он не просто взял куртизанку, чтобы потешить свое самолюбие — он превратил ее в мою копию, зная, что ко мне он притронуться пока не имеет ни малейшего права. Я прошипела приказ, чтобы они немедленно убирались

из королевского крыла, иначе я не отвечаю за последствия, а его высочество я беру на себя. Засуетившись, напуганные девушки в ту же секунду испарились из коридора, шмыгнув в затхлые лабиринты прислуги, ища там спасения от моего гнева.

Я развернулась на каблучках и, впервые по собственной воле выбирая это направление, помчалась к покоям принца. Сердце колотилось в груди, и я чувствовала, как гневный жар поднимается от живота к горлу. Мне было все равно, что я привлеку внимание — я жаждала этой конфронтации.

Я не успела даже дойти до покоев Адена, как дверь сама распахнулась, и он вышел в коридор, видимо, направляясь по своим делам. Явно не ожидая наткнуться на меня, он опешил. На его лице промелькнула смесь удивления и вины, но затем его ореховые глаза блеснули озорством, и он быстро взял себя в руки, надевая маску насмешливого принца.

– Что ты себе позволяешь?! – я тут же накинулась на него с гневным шипением, не давая ему и слова вставить. – У тебя есть хоть небольшое чувство такта или совести?! Ты превратил мою жизнь в фарс, а теперь еще и устраиваешь этот унижительный театр!

– Наконец-то мы снова перешли на “ты”, – он довольно усмехнулся, хотя я заметила, как он опасливо прижался спиной к стене под моим яростным взглядом. Он пытался скрыть это за показным равнодушием, но нервное подергивание его губы говорило о том, что он прекрасно понимает,

насколько серьезен мой гнев.

– Какого пикси ты творишь?! Ты понимаешь, насколько это унижительно? – я почти кричала, хотя старалась удержать голос на уровне шипения, чтобы не разнести эту сцену на весь Двор.

– Что тебя так разозлило, моя драгоценная мышка? – он изобразил добродушную улыбку, но то, как нервно дернулась его щека, пока он ее изображал, не ускользнуло от меня. Он боялся. Немного, но боялся. И это давало мне дополнительную силу.

– Что меня так разозлило?! Ты практически превратил куртизанку в мою точную копию и таскаешь ее в свои покои! Ты в своем уме?! А если кто-то увидит ее и примет за меня?! Что если подумают, будто это я, дочь Верховного советника, шмыгаю по коридорам к тебе в спальню, как последняя девка?! Тебе совсем не стыдно? Как только наглости хватает выставлять меня в подобном свете перед всем Двором?! Это оскорбление, Аден, личное оскорбление!

– Мы почти женаты, в чем проблема?! – он махнул рукой, пытаясь принизить серьезность ситуации, словно мое достоинство было мелочью, о которой не стоило беспокоиться.

– Мы НЕ женаты! И не факт, что будем! – я даже не обратила внимания, как тень проскользнула на миг в глазах принца, когда я произнесла эти слова. Возможно, я задела его самолюбие, а может быть, и его планы. – А такими темпами, я клянусь, мыс отцом сделаем все, чтобы этого не произошло!

Я лучше буду жить в глуши, чем выйду замуж за такого бесчестного идиота, как ты!

Зло шлепнув ладонью по деревянной стене, так что звук разнесся по коридору, я развернулась на каблуках и понеслась прочь в свои покои, не желая больше видеть этого напыщенного, самодовольного злодея моей судьбы ни секунды. Я чувствовала, как трясутся мои руки от пережитого напряжения и ярости. Он перешел черту.

Вернувшись в свою спальню, я немедленно скинула тяжелое обсидиановое платье. Меня душила клаустрофобия, вызванная как нарядом, так и унижением, которое опрокинули на меня, словно кувшин с холодной водой. Я накинула лишь легкое комнатное платье, в котором было удобно и не стыдно находиться в присутствии прислуги. Выходить из комнаты я больше не планировала, недавняя трапеза отбила все желание появляться в обществе, даже если это подтвердило бы слова Адена о моем самочувствии, которые он так подло использовал. Да и видеть этого мерзкого принца мне хотелось меньше всего. Магический фон, все еще немного давящий на меня после присутствия послов из других дворов, предостерегал об ухудшении моего состояния, если я снова выйду в общественное пространство. Мой собственный дар был еще слаб, и я не могла позволить себе лишний стресс.

Поэтому, позвонив в колокольчик для прислуги, язычок которого висел возле моей постели, я стала ждать, когда же ко мне пожалует мой любимый слуга. Ждать, к счастью, при-

шло недолго. Через несколько минут в двери раздался тихий, осторожный стук, и после моего разрешения войти на пороге показалась медная макушка.

– Леди, – он галантно поклонился, как того требовал этикет, но как только закрыл за собой дверь, тут же скинул маску идеального слуги. Сейфи весело протопал к моему стулу у трельяжа, плюхаясь на него так, словно целый день ворошил сорняки в теплицах, а не прислуживал за обедом. Он был единственным человеком здесь, с которым я могла быть собой.

– Вижу, твое настроение улучшилось, – я усмехнулась, не вставая с шелковых простыней. Я лишь перевернулась на живот, откидывая мокрые локоны после недавней бани на спину, и с удовольствием наблюдала за его непосредственностью. В отличие от фейских жителей двора, он был открыт и честен.

– О, да, по сравнению с утром, все гораздо лучше, – он легко вздохнул, его рыжие волосы слегка растрепались от движения. – Вот только от послов из других Дворов, особенно из Двора Костей – мурашки ползут по коже. Как будто рядом с тобой сама Смерть дышит. У них аура такая... пугающая.

Сейфи вздрогнул, будто к его пояснице приложили что-то ледяное, и обхватил себя руками, соорудив смешную гримасу. Я не могла не улыбнуться, глядя на его наивную человеческую реакцию.

– Как их вообще впустили? Вы не боитесь, что они устро-

ят переворот? – спросил он, и в его голосе слышалась искренняя тревога за безопасность королевской семьи, чего я не могла понять.

– Это невозможно, – я стала серьезнее, потому что понимала, как устроена власть в этом мире, в отличие от него.

– Как это невозможно? Все возможно. В истории людей на дальних материках перевороты случались из-за меньшего, – возразил он, явно не понимая всей глубины магии, связывающей Дворы.

– Ты не знаешь, как устроена власть во Дворах. Никто чужой не может занять трон, который ему не принадлежит. Наша магия не работает по принципу грубой силы или человеческой политики, – увидев недоумение и насмешку в глазах друга, я закатила глаза, понимая, что мне придется провести небольшой урок. – Видел стебли и листья травы, проступающие под кожей у Её Высочества, принцессы Эрины?

– Видел. Они красивые. Как будто в ней живет лес. Но в чем суть? – он наклонил голову, пытаясь уловить связь между красивыми растениями и политической властью.

– Святая Сфера, – глубоко вдохнув, я недовольно посмотрела на друга. Я знаю, что это не его вина, в конце концов – он человек, и его мир устроен совершенно иначе. – Знаешь, почему наследница престола именно Эрина, а не старший Принц Аден? Он же старше, казалось бы, по логике должен править он.

– Потому что он засранец? – предположил Сейфи, и я

невольюно рассмеялась, хотя тут же резко заткнула рот рукой, оглядываясь, будто мы были не одни. Даже в своей комнате нужно было быть осторожной, особенно говоря о членах королевской семьи.

– Осторожнее, а то тебя еще за такое языка лишат, – прошептала я. – Нет, потому что земля дала Дар силы именно Эрине, а не ему. В нашем Дворе Жизни право на трон определяется не старшинством, а тем, кого выберет сама земля, кому она даст свою силу. Это Дар. Под ее кожей растет Плакун-трава. Это дает принцессе иммунитет к любому яду, – объяснила я, стараясь максимально упростить концепцию. – Но когда она будет готова взойти на трон – трава расцветет, войдет в полную силу, и тогда помимо иммунитета к ядам она сможет вызывать целые орды призраков и нечисти. Это будет доказательством того, что она истинная правительница. У принца Адена нет никакой подобной силы, а у младшего принца если и есть, то она еще не проросла внутри детского тела. Без дара Земли трон просто не примет того, кто посягнет на него. Трон не расцветёт, если его займёт чужак, даже если это будет ближайший родственник без этого Дара. Он станет для него ядом, – подытожила я, глядя на то, как удивление на лице Сейфи сменяется осознанием, – Единственное исключение, если никого с даром нет в королевской семье, тогда трон может занять старший ребёнок.

– Но тогда ведь можно просто забрать эту силу? Или убить ее, чтобы Дар перешел к следующему наследнику? К тому

же, Королева Илизара же сидела на троне, почему с ней ничего не случилось? Она же была из другого Двора, Двора Воды, – его вопросы были логичными с человеческой точки зрения, если учесть, что он не знал деталей.

– Я же сказала - вся магия в нашем мире строится на добровольной основе, ты не можешь взять силой то, что тебе не принадлежит, – я покачала головой, чувствуя, как усталость от всего дня наваливается на меня. – А королева, в качестве доказательства вечной любви, получила от Короля небольшую веточку его дар-травы. Король добровольно поделился с ней частью своей силы, чтобы она могла сидеть рядом с ним, как полноценная Королева, а не просто Королева-Консорт. Если бы наследница кому-то передала добровольно свою главную ветвь в теле, то этот человек смог бы сесть на трон вместо нее, но тогда это означало бы для нее верную смерть. Отдать Дар – значит умереть, – объяснила я, чувствуя, как этот факт холодит меня. – А вот в качестве доказательства любви своему будущему супругу она так же может поделиться силой, если захочет, чтобы он был полноправным королем, а не королём-консортом. Но это лишь жест доброй воли, не обязательство. Вот почему Аден так старается поддерживать с сестрой хорошие отношения - чтобы его не считали просто Принцем. И вот почему он так бесится от того, что Эрина настоящая наследница.

- Теперь я понял, - юноша энергично закивал, делая вид, что он прилежный ученик на занятии, - Но тебя что-то бес-

покоит? Ты немного нервная. Тренировка прошла неудачно?

- Н-нет, - я замялась, - Есть кое-что, что разозлило меня не на шутку по пути в спальню...

Сейфи тут же выпрямился, его взгляд стал внимательным. Он знал, что если я говорю о чем-то, что вызвало гнев, то это должно быть что-то серьезное, что-то, что превзошло даже обычное раздражение от принца. Его дружеская поддержка была важнее всего, и я не стала скрывать унижение.

- Я шла обратно и наткнулась на сцену в коридоре... - я начала, чувствуя, как внутри снова поднимается гневный жар. - Аден притащил в свои покои куртизанку.

- Ну, это в духе Его Высочества, - Сейфи пожал плечами, его лицо выражало привычное пренебрежение. - Он всегда таскает к себе девиц. Главное, что не нашел способ проникнуть к тебе. Какое твое дело, что он там делает?

- Я бы так и прошла мимо, если бы не одно «но», - мой голос стал тише, сталь вернулась в него, вытесняя усталость.

- Она выглядела точь-в-точь как я.

Сейфи моргнул, его веселость тут же улетучилась. Рыжие брови взлетели вверх, а рот приоткрылся в немом вопросе. Я видела, как он пытается осмыслить услышанное, как его мозг перебирает варианты, и на каждом из них натывается на абсурд.

- Что? - прошептал он. - Полная копия? Лавандовые глаза, пепельная кожа... рога?

- Пепельная кожа, белые волосы, рога... но глаза у нее

были голубые, – поправила я, сжимая кулаки. – И этот идиот приказал ей перекрасить волосы, чтобы она была похожа на меня. Он превратил ее в мою копию, Сейфи, ты понимаешь?! Он устраивает этот унижительный спектакль прямо у меня под носом, зная, что не может ко мне прикоснуться. Это не просто интрижка, это плевок в мое лицо, это попытка показать, что я для него не что иное, как... как предмет, который можно заменить.

– Да он просто больной ублюдок! – прорычал Сейфи, внезапно вскочив со стула. В его глазах вспыхнула ярость. Человеческая ярость, безграничная и прямолинейная. Он не знал тонкостей дворцовых интриг, но прекрасно понимал, что такое честь и уважение. – Он пытается унизить тебя, выставляет на посмешище, если кто-то увидит! Какая мерзость!

– Он пытается контролировать, – исправила я, чувствуя себя немного лучше от того, что Сейфи разделяет мой гнев. – И знаешь, я не могла больше этого выносить. Я устроила ему скандал прямо в коридоре. Сказала, что он бесчестный идиот, и что если он не прекратит, мы с отцом сделаем все, чтобы избежать этого брака. Это, кажется, его задело, потому что он даже побледнел.

– Ты молодец, Лима. Нужно было ему хорошенько врезать, – он сделал успокаивающий жест рукой, и его гнев слегка поутих, сменившись заботой. – Но ты права, это было унижительно. Он пытается заглушить свою неполноценность, демонстрируя власть над тем, что похоже на тебя. Он, навер-

ное, бесится, что ты – дочь Верховного Советника, которую он не может просто так взять. Но почему он так отчаянно хочет этого брака? Из-за силы твоего отца?

Я почувствовала, как волна гнева, только что утихшая, вновь поднялась, но теперь она была более холодной и расчетливой. Отцовская сила, его статус Верховного Советника и родословная, безусловно, играли роль в политическом расчете, но я знала Адена лучше, чем Сейфи. Он был не просто политиком, он был нарциссом, который ненавидел, когда ему отказывали, и его желание обладать мной давно перешло грань государственного интереса, став болезненной, нездоровой фиксацией. Он видит во мне лишь идеализированный трофей, который должен лежать у его ног, демонстрируя его превосходство и способность сломить волю даже самой гордой дочери. Он не мог понять, что я – не вещь, которую можно просто добавить в его коллекцию. Его тщеславию было столь велико, что мысль о моей независимости просто не укладывалась в его королевской голове. Он хочет не брак, он хочет капитуляции Лотторен. В этом была его настоящая цель. Мое унижение для него — слаще любой победы. Вот почему он притащил ту несчастную, превратив ее в мою фарфоровую куклу.

Нет, дело не в политике.

– Ты думаешь, он такой дальновидный? – усмехнулась я, вложив в голос всю свою усталость от его вечных игр. – Он просто зол, что я – единственное, помимо трона, что в этом

Дворце ему не принадлежит по праву рождения. Все эти девицы, что он таскает к себе – лишь жалкая демонстрация власти. Он хочет затащить меня в постель любой ценой. И он прекрасно знает, что не сможет заставить меня это сделать, пока я не окажусь замужем за ним. Я для него – символ того, что он не может получить, и именно это сводит его с ума. Аден, сын короля, привыкший к безусловному повиновению, не может вынести, что какая-то девчонка, пусть даже и дочь Верховного Советника, смеет ему отказывать вплоть до того, чтобы вызывать гнев в коридоре.

– Ты недооцениваешь, Лима, – возразил Сейфи, снова опускаясь на стул и глядя на меня с серьезным беспокойством. – Он хочет не просто брак. Он хочет сломать тебя. Ты – дочь человека, который почти ровня королю, твоя семья обладает невероятным влиянием и, что важнее, невероятной независимостью от королевской власти. Он не может просто взять тебя силой, это вызовет скандал. Он должен взять тебя законно, чтобы весь мир видел, как ты переходишь под его контроль. Именно поэтому он так отчаянно цепляется за этот союз, не жалея сил на унизительные манёвры.

В этом Сейфи был прав. Наш род Лотторен всегда был отделен от прямой линии трона, но обладал уникальной магической силой, и находились близко к короне, но никогда не принадлежали ей. Именно это бесило Адена: он мог купить любую девицу в городе, любую жемчужину в мире, но меня он не мог заставить даже смотреть на него с уважени-

ем. Он хочет вытянуть меня из моей независимой скорлупы, унижить и сделать своей податливой тенью, вот почему ему так нужна эта фальшивая копия. Это не просто интрижка, это ритуальное убийство моего достоинства, попытка доказать, что моя фейская статья и гордость – лишь дешевый наряд, который можно скопировать и надеть на кого угодно.

Он боится меня.

– Ты слишком много чести ему отдаешь, думая, что он так глубоко анализирует, – я попыталась отмахнуться от его слов, хотя знала, что он близок к истине. – Он просто извращенец. Что же касается силы моего отца... да, они хотят его наследия. Хотят получить контроль над всеми его тайными связями и ресурсами, которые он накопил за свою долгую службу. Они уверены, что через меня смогут дотянуться до всего, что принадлежит ему, и это их главная ошибка. Единственный член королевской семьи, для которого я буду готова что-то делать - это Эри.

– Все хотят, – кивнул Сейфи. – Но не думай, что речь только о землях или золоте. Это же наш мир, Лима. Речь идет о связях, о влиянии на другие Дворы. Он бесится, потому что ты – это символ. Символ свободы, которую он не может контролировать, и символ той древней силы, что всегда стояла немного в стороне от их трона. Для него это не просто брак, это акт завоевания, и он не остановится, пока не почувствует, что полностью овладел тобой, даже если ты останешься холодной и недоступной.

Мне стало физически плохо от мысли, что вся моя жизнь, вся моя личность сводится к инструменту в чьих-то руках. Я всегда знала, что как дочь Верховного Советника, я не принадлежу себе полностью, но это было до того, как они начали устраивать эти унижительные шоу с двойниками. Я сжала рот в тонкую линию, мои рога, казалось, горели от напряжения. Пепельная кожа, лавандовые глаза, рога, которые были отличительным знаком нашего рода – все это он пытался скопировать, чтобы доказать себе, что я не уникальна, что я – просто шаблон, который можно воспроизвести и контролировать. Но он забыл, что никакая копия не будет иметь той же искры, той же фейской гордости, которая кипела во мне. Я выросла здесь, в Стеклянном Замке, и всегда верила, что моя уникальность – лишь часть благородного наследия, но теперь я понимала, что она стала мишенью.

– Он ошибся, если думает, что сломает меня, – прошептала я, и это было больше обещание себе, чем ответ другу.

Сейфи, который внимательно следил за моим лицом, внешне поменял тему, его глаза стали веселее, в них мелькнул оттенок облегчения, который он всегда старался скрыть под своей обычной беззаботной маской. Он нагнулся вперед, понизив голос до заговорщицкого шепота, хотя мы сидели одни в самой удаленной части моей спальни, где нас никто не мог услышать.

– Лима, я должен тебе кое-что сказать, – произнес он тихо. – Я слышал, как сегодня вечером разговаривали главные

клерки. В коридорах суета не просто так. Послы из из других дворов покидают замок на рассвете. Они уже пакуют вещи, приказали готовить экипажи к первому лучу солнца.

- Так быстро? Не прошло и двух дней, а они уже уезжают?

- Возможно, они решили все дела? - Киттен дёрнул плечами, показывая, что ничего особенного в этом нет, но странное чувство, вызванное поспешностью отъезда гостей, заворочалось под рёбрами.

Стараясь не обращать на него внимание, я попрощалась с Сейфи, желая остаться одна. До самого заката я читала книги и свитки о магии и концентрации, которые мне передал Матсер Вален, пока сон, наконец, не сморил меня.

Глава 8

Раннее утро после поспешного отъезда делегаций оказалось таким же липким и неприятным, как пар в хаммаме, только вместо очищения оно принесло с собой густое, осязаемое чувство надвигающейся беды. Я проснулась с тяжелой головой, и это было не просто физическое недомогание; это было ментальное истощение, вызванное нервами, унижением и той бешеной яростью, которую я испытала, увидев точную копию себя в коридорах, да еще и идущую к Принцу. Сомнения в том, что Аден мог сломать меня, не давали покоя, и, хотя я успокоила себя, что его мания – это его слабость, а не моя, страх все равно скребся под рёбрами.

Сегодня нельзя было ошибаться.

Я быстро привела себя в порядок, облачившись в строгие траурные цвета, и направилась в Трапезную залу, стараясь выглядеть максимально невозмутимо. Завтрак, обычно шумный, сегодня был погребен под слоем натянутой тишины.

Войдя в Залу, я сразу почувствовала, как изменилась атмосфера: тяжелая, плотная, она казалась почти физически давящей. Обычно зал, где проходили наши трапезы, гудел от сплетен и тихих разговоров, но сегодня каждое слово тонуло в гнетущем молчании. Придворные фейри сидели, сце-

пив пальцы, их улыбки были застывшими и неестественными, а взгляды скользили по стенам, избегая любого контакта, словно все они боялись стать следующей целью. Магия Древа Жизни, обычно теплая и успокаивающая, сегодня казалась холодной и тонкой, едва ощутимой, словно кто-то вытянул из нее всю силу. Это было признаком того, что напряжение, вызванное отъездом послов, было не просто социальным, а глубоко политическим.

Мой взгляд моментально нашел отца.

Он выглядел постаревшим на несколько лет за одну ночь, его обычно безупречная осанка была чуть сгорблена, а аметистовые глаза, как всегда, излучали мудрость, но теперь в них читалась такая тревога, которая заставила меня мгновенно насторожиться, заставив мои нервы натянуться до предела.

Это не просто усталость, это страх.

– Ты выглядишь бледным, папа, – прошептала я, склоняясь к нему, пока слуги накрывали стол. – Ты вообще спал?

– Сон для тех, кто может себе его позволить, цветочек, – ответил он, не поднимая на меня глаз, и я почувствовала, как он слегка сжал край скатерти. – Главное, чтобы Король спал спокойно. А мы – мы должны работать.

Я заняла свое место рядом с Эриной, которая, напротив, выглядела подозрительно бодрой, словно полностью игнорируя эту гнетущую тишину. Король, сидящий во главе стола, был холоден и непрístupен, его лицо, обычно скрива-

ющее все эмоции, теперь выражало лишь каменную усталость. Аден, как всегда, сидел напротив меня, его жёлтые глаза сверкали из-под полуприкрытых век, и я чувствовала его насмешливое торжество – он наслаждался этим хаосом, этой тишиной, этой властью, которая заставляла всех дрожать. Это была его любимая игра, и он был в ней мастером.

Стол ломился от еды, но никто не притронулся.

Гулкая тишина, которую прерывали лишь скрежет стульев, давила на сознание. Никто не решался поднять голову или начать разговор, пока Король не даст своего разрешения. Я почувствовала, как волна холода прокатилась по залу, и инстинктивно положила руку на грудь, словно защищаясь от невидимого удара, ища утешения для быстро бьющегося сердца.

Эрина, заметив, как я стискиваю кулаки, наклонилась ко мне, её голос был едва слышен.

– Что с тобой, Лима? Ты похожа на призрака. Я думала, что ты отдохнула. Это просто утро, – прошептала она, пытаясь изобразить беззаботность, но я заметила, как ее пальцы нервно перебирают бусины на платье. – Не позволяй этой скорби так давить на тебя. Делегации уехали, и это хорошо. Это означает, что Король быстро решил все вопросы, и теперь Двор Жизни снова может дышать спокойно. Это всего лишь траур.

– Это не траур, Эрина, – ответила я, не в силах скрыть своего раздражения. – Воздух в зале густой от страха и лжи.

Они не “решили вопросы”. Они сбежали.

Она на мгновение обиделась.

Я знала, что она видела то же самое, но не могла или не хотела это признать, слишком сильно была привязана к своему идеализированному миру, в котором отец всегда побеждает, а брат – просто шалун. Принцесса просто не могла допустить мысли, что ее отец, Король, способен на что-то, что может вызвать такой массовый, негласный протест со стороны других Дворов, а уж тем более, что ее брат может быть настолько бесчестен, что заставит всех своих гостей бежать, как тараканов от света.

Это не был дипломатический успех.

Внезапное, поспешное отбытие послов, которое Сейфи подслушал вчера вечером, говорило о том, что что-то на переговорах пошло не так. Или, что более вероятно, – пошло слишком хорошо для Короля Таурелина. Я вспомнила его недавнее триумфальное появление в зале, его холодную, почти зловещую уверенность, которая заменила скорбь по жене. Делегации не разъехались, они покинули корабль, который, как им показалось, вот-вот пойдет ко дну, или, что еще хуже, они просто испугались Таурелина и его нового, пугающего контроля.

Мои мысли были прерваны насмешливым голосом.

– Дочь Верховного Советника так рано у стола?

Аден, не переставая улыбаться, отвернулся от лорда, с которым вел пустую беседу, и обратился ко мне.

– Я надеялся, что после твоего небольшого "приступа", вызванного чрезмерной впечатлительностью, ты отлежишься в своих покоях. Или ты снова пытаешься продемонстрировать свою нестигаемую волю? Советую тебе побереечь свою страсть, мышка, – он понизил голос, и в нем прозвучало то же мерзкое, собственническое желание, которое я слышала вчера. – У меня есть кое-что новенькое для твоего личного декора.

Я почувствовала, как волна жара прокатилась по моему телу.

– Моя страсть – это моя проблема, Ваше Высочество, – я ответила холодно, не скупясь на презрение. – А ваш декор – не моя забота. Я здесь, чтобы оказать честь присутствующим. В отличие от тех, кто, не зная меры, демонстрирует свое дурновкусие.

Ярость в его глазах вспыхнула, но он лишь изогнул бровь, готовясь к новому удару.

В этот момент мой отец, сидевший рядом, не сделал ни одного движения, но я почувствовала, как его рука, лежащая под столом, сжалась в кулак с такой силой, что, я уверена, его ногти впились в ладонь. Его гнев был безмолвен и тем сильнее.

Это была не просто перепалка; это была дуэль, ставка в которой была моя свобода.

Спасительное вмешательство пришло от Короля. Он, наконец, поднялся, и его резкий жест привел зал в движение.

– Господа, наш завтрак окончен. Сегодня нас ждет долгий день.

Это было мгновенное освобождение. Все, словно по команде, повскакивали со своих мест, стремясь как можно скорее покинуть зал, где воздух был пропитан невыносимым напряжением.

Я быстро поклонилась.

Не дожидаясь, пока Аден попытается продолжить свои издевательства, я последовала за отцом, который уже спешил прочь из Трапезной, его шаги были удивительно быстрыми для его возраста.

Я следовала за ним, стараясь держаться в тени, соблюдая наш негласный, но такой важный ритуал. Я знала, что он направляется в свой кабинет, и я, по привычке, должна была следовать за ним, чтобы получить наше ежедневное наставление, наш краткий, но такой необходимый момент близости, который всегда был моим якорем.

Его спина казалась напряжённой, он постоянно оглядывался, его взгляд метался по пустым коридорам. Это был не Верховный Советник, идущий на важную встречу; это был загнанный в угол зверь, пытающийся убежать от невидимого охотника.

Я ускорила шаг.

Мне нужно было догнать его, чтобы получить ту правду, которую он так отчаянно пытался скрыть, и которая, я чувствовала, была связана с его поспешностью, с отъездом по-

слов и с моими тревожными видениями, но Эрина, перехватившая меня прямо на выходе из зала, заставила упустить спину отца из виду.

- Лима, зайди ко мне после того, как поговоришь со своим отцом, хорошо? Я должна тебе кое-что рассказать...

- Что? - её слова словно пронесли мимо моих ушей, я не поняла ничего из того, что она сказала, словно та говорила на языке амфибий.

- Ты хорошо себя чувствуешь? - её рука прикаснулась к моему лбу, будто проверяя наличие жара, - Я попросила зайти ко мне после того, как поговоришь с отцом.

- А, да, хорошо, - спешно закивав, я подхватила полы своего платья и поспешила покинуть принцессу.

Привычные коридоры замка сегодня скрывали неприятные тени. Каждый шорох, что до этого казался привычным, сейчас шептал мне на уши смутную тревогу. Моё желание спуститься на бег к кабинету Верховного советника было прервано резким толчком, который затащил меня в коридор для слуг.

- Лима, - хриплый голос отца, врезался в уши, зазвонив в колокола тревоги. Его крепкая рука держала мой локоть в полумраке коридора, где лихорадочный блеск отцовских глаз светился ярче.

- Пап? - напуганная до чёртиков его взъерошенным видом, я сжала губы.

- Слушай меня внимательно! Не перебивай и делай в точ-

ности как я скажу, поняла? - взяв меня за оба локтя, он нервно, но обеспокоенно заглянул в мои глаза. Я кивнула, - Сейчас ты бегом бежишь в мой кабинет. Залазишь под стол и ищешь изображение осеннего шафрана, под ним - тайник. То, что там лежит никто и никогда не должен видеть кроме тебя. Не показывай это никому, особенно из королевской семьи, поняла? Эта вещь - самое важное, что у тебя останется. Как только появится возможность - беги из Двора...

- Б-бежать? - не на шутку перепугавшись, я вцепилась в отца в ответ, - Куда мне бежать?! Что значит - "самое важное что у меня останется"?!

- Если будет возможность, беги во Двор чёрных песков, найди Ирнет в деревне Цветных листопадов.

- К-куда?! - истеричный взвизг вырвался из моего рта.

Последнее место, куда меня, дочь Верховного советника могли отправить - это самый холодный и отчуждённый Двор Чёрных песков.

Не успела я дальше задать свои вопросы, как послышался топот стражников. Оставив быстрый поцелуй на моём лбу, папа нежно взял меня за лицо и, взглянув в мои глаза прошептал: "Я люблю тебя, мой ядовитый цветочек. Прячься и сделай то, что я сказал". Затолкав меня в тёмную нишу за барельефом, он вышел в коридор.

- Верховный Советник Юстейл Лотгорен, вы обвиняетесь в заговоре против Рода Таурелин и Двора жизни. При сопротивлении будет применена грубая сила, просим следовать за

нами.

Слова, что сейчас озвучил лорд Серл - главнокомандующий дворцовой стражей, застыли в воздухе. Каждый мелкий и неровный вдох жёг всё внутри. Я закрыла руками рот, чтобы не издать ни звука.

И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.